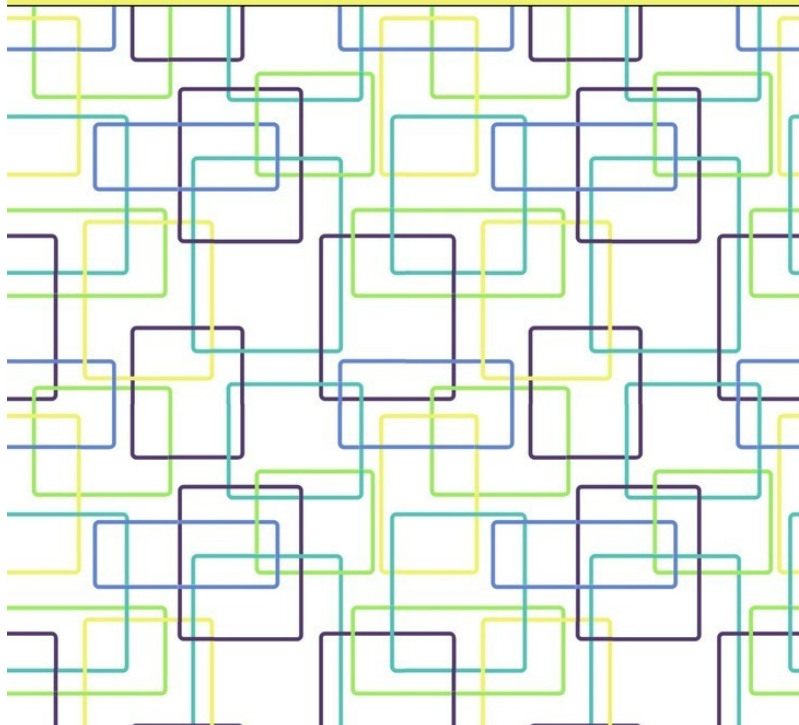

Екатерина Риз

Жили-были

Екатерина Риз Жили-были

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22614747

ISBN 9785448365836

Аннотация

Жили-были!.. Как бы хотелось сказать так о своей жизни. Начать рассказ о любви и верности, достатке и сопутствующей удаче. Но Саше Богатырёвой не так повезло, её жизнь мало походила на сказку. И в довершение всего она полюбила человека, которого сестра-красавица когда-то в юности выбрала в свои верные рыцари. Разве это можно посчитать счастливой судьбой? И когда рыцарь отправляется в дальнее странствие, это кажется благом. С глаз долой – из сердца вон. Но проходят годы, и рыцарь возвращается.

Содержание

1	5
2	34
3	68
4	131
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Жили-были Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2017

ISBN 978-5-4483-6583-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Этот разговор начинался, как обычно, то есть, ничем изначально не напугал и ничего ужасного не предвещал. Алёна Каравайцева, главная заводила институтской компании, появилась в бутике нижнего белья, где Саша работала, и после минутного осмотра и парочки многозначительных взглядов и хмыканья, оторвалась от созерцания кружев и атласа, и начала вещать (то есть, конечно, рассказывать, «вещать») Саша от себя добавила и мысленно) об очередной встрече выпускников. Воспользовавшись тем, что посетителей в магазине в этот момент не было, облокотилась на стойку, наклонилась к Саше и заговорщицки подмигнула. Что выглядело в её исполнении немного глупо. Алёнке вообще не шло подмигивать. Она была идеальной толстушкой-веселушкой, и, глядя на неё, без всяких подмигиваний, всегда казалось, что она что-то замыслила. А уж когда подмигивать начинала, и вовсе хотелось рассмеяться, но уже в следующую секунду за голову схватиться. Но самое интересное, что Саша вообще не должна была ни за что хвататься, и даже отношения ко всему этому иметь, ведь она не училась вместе с Алёнкой и своей двоюродной сестрой. Она была младше на четыре года, у неё не было высшего образования, иначе, что бы она делала здесь, в бутике нижнего белья, на должности продавца-консультанта? Все эти мысли промелькнули в её голове,

но Алёнка снова ей подмигнула, видимо, для усиления эффекта, и Саша сдалась. Отложила новый комплект белья, тоже наклонилась и посмотрела Каравайцевой прямо в лицо. Правда, предупредила ту:

– Мне страшно тебя слушать.

Алёнка, кстати, мать троих детей, восторженно хлопнула в ладоши.

– И правильно! Я превзошла саму себя!

– Разве это возможно?

Алёна гордо задрала нос, одёрнула короткую курточку на крутых бёдрах и приосанилась.

– Смейся, смейся. Что бы вы, вообще, без меня делали? Потерялись бы все давно, похоронили бы себя на работе.

Саша с пониманием покивала.

– Ты права. Так что происходит?

Алёна тут же заулыбалась.

– Я же говорю, я превзошла саму себя. Собрала почти всех. Ну, кроме Орлова и Карповой, из Питера и Риги они точно не поедут. И Новиков артачится, занятой наш налоговый инспектор. – Алёнка рукой махнула. – Ну и чёрт с ним. Он считает, что если перевёлся от нас на третьем курсе, то мы ему уже и не товарищи. А остальные все будут.

– Очень за вас рада, – ответственно заявила Саша.

Алёнка нахмурилась, наблюдая за ней.

– А ты чего куksiшься? Скажи ещё, что не придёшь.

Саша посмотрела на неё с явным намёком.

– Алёна, я с вами не училась.

– И что? Тебя всё равно каждая собака знает.

– Какой-то сомнительный комплимент.

– Да ладно тебе, Сань. Мы последние пять лет всегда одной компанией встречались, и ты всегда приходила. Если так разобраться, то там половина наших уже чужие. Но всё-таки такая дата, пятнадцать лет с поступления. Вот я и постаралась. – Алёнка ей деловито кивнула. – Анжелика тебе разве не звонила?

– Звонила, – с лёгким вздохом призналась Саша, припомнив вчерашний телефонный разговор с двоюродной сестрой. – Правда, она не сказала, что будет куча народа. Я думала, опять посидим у Старикова на даче, шашлыки пожарим...

– Она сама ещё не знала, у меня только вчера всё так удачно сложилось. Кстати о Старикове. Он обещал помочь с кафе, у него знакомый есть. Так что, готовь платье.

Саша глаза закатила.

– Начинается.

Алёна постучала пальцем о псевдо-мраморную стойку.

– Надо, Саня, надо. – И следом улыбнулась. – Представь нас в красивых платьях, с причёсками. – Алёна схватила кружевные трусики-стринги, и со смешком потрясла ими у Саши перед носом. – Вот в этом.

Саша выхватила у неё алую вещицу.

– С ума ты совсем сошла, Каравайцева. Это кто на тебе

увидит? К тому же, у тебя муж есть. Забыла?

– Не забыла, – передразнила её Алёна. – Может, для него и прикуплю.

– Ты только обещаешь каждый раз.

– Ну, так что, договорились? В следующую субботу, гуляем, танцуем и пьём водку.

Саша поневоле рассмеялась, но затем решила ужаснуться:

– Водку?

– А что? Помнишь, как на Восьмое марта классно было?

– Не помню, Алёна, в том-то и проблема. И Старикову передай: я больше с ним не пью.

– Да ладно тебе выделяться, Богатырёва. Оставь это Анжелике, у неё куда лучше получается. – Алёна посмотрела на часы и заторопилась. – Всё, я побежала, мне ещё нужно с кафе разобраться. Увидимся в субботу. И не вздумай большой притвориться! Помни, я знаю, когда ты врёшь.

Отвечать на это Саша сочла ниже своего достоинства, лишь фыркнула чуть слышно, но рукой подруге на прощание махнула.

Странно, что теперь, спустя десять лет, Алёна Каравайцева (правда, сейчас она уже не Каравайцева, а Степанова) на самом деле считалась её подругой. А когда-то Саша была слишком мала, чтобы дружить с кем-то, кто учился в институте. Она была лишь младшей сестрёнкой Анжелики Потаповой, красавицы и модницы, а её саму воспринимали, как обузу, неотвратимое зло, как говорила сама Лика. И Саша,

находясь в окружении взрослых, как она считала, людей, студентов, чувствовала себя дурным несмышлёнышем, по большей части молчала и наблюдала, зато, сама того не желая, знала о группе студентов очень многое. Кто с кем встречается, кто в кого влюблён, кто с кем расстался, а кому изменили. На неё, мелкую и почти прозрачную, внимания особо не обращали. Зато внимание обращали на Лику, приглашали на свидания, на тусовки и вечерние посиделки (не было тогда ещё такого слова, как вечеринка), а сестра повсюду таскала её за собой. Не из-за того, что они были с детства невообразимо дружны, они даже похожи не были – ни внешне, ни по характеру, просто, если Лика брала с собой Сашу, тогда её родители пребывали в уверенности, что девочки просто гуляют и ничего запретного не происходит. У Анжелики достаточно строгие родители, жалко, дяди Игоря уже в живых нет, но её мама, Валентина Николаевна, до сих пор уверена, что её дочь – самая порядочная женщина в этом городе. Правда, не догадывается, что репутацию порядочной Лика себе как раз на имени Саши построила. Та всегда пребывала в курсе её амурных дел и обеспечивала алиби, если понадобится. Правда, несколько лет назад постаралась свести влияние сестры на свою жизнь к минимуму. По мнению Саши, у Лики была слишком бурная жизнь, что личная, что общественная, и угнаться за ней с некоторых пор стало затруднительно. Да и не особо хотелось, если совсем честно, никогда не хотелось гнаться за двоюродной сестрой, просто не бы-

ло выбора. И, кстати, это вынужденное присутствие в жизни Лики, ничего кроме неприятностей Саше не принесло. Она отлично это помнила, и поэтому в последние годы старалась держать дистанцию.

Она ещё помнила, как Анжелика разводилась. Шумно и со всем доступным ей пылом, демонстрируя обиду всем знакомым. А в знакомых у неё ходила добрая половина их немаленького города. Сашу тогда тоже пытались привлечь к переживаниям и творящейся несправедливости, и ей с трудом удалось держаться в стороне. Но тётка, кажется, до сих пор на неё за это обижается. Но Саша, поддавшись своей душевной слабости, свалила всё на болеющего Митьку, который очень вовремя слёг с ангиной. Хотя, говорить про родного ребёнка, что он весьма вовремя объелся мороженого, не слишком хорошо, да?

Но эта встреча в субботу отчего-то беспокоила. Она была далеко не первой, и Алёна права: все давно привыкли к Саше и, кажется, уже и не помнили о том, что она с ними не училась. Она была неотъемлемой частью их воспоминаний об институте, и с годами перестала быть «мелкой и помехой», превратилась в полноценного товарища, взрослого и всё осознающего. Но последние годы они всегда собирались узкой компанией, на встречи приходили всегда одни и те же, человек десять-двенадцать, и встречались зачастую семьями, собираясь на даче Старикова, которая не была шикарной и далеко не просторной, но находилась в очень живо-

писном месте и недалеко от города. И даже Лика, хоть фыркала и ворчала, облачаясь в спортивный костюм, но ни одной встречи за последние года четыре не пропустила. А в этот раз шашлыки отменяются. Будет зал в кафе, будет торжественная обстановка, куча народа, почти чужих людей, и пусть Саша помнит практически всех, большинство из них, как правильно сказала Каравайцева, давно стали чужими. И в их памяти она, наверняка, всё та же незаметная младшая сестрёнка Анжелики Потаповой, и придётся как-то объяснять своё присутствие, улыбаться и делать вид, что для неё-то ничего странного в том, что она находится на встрече их курса, нет. Вот уж не было печали.

Весь оставшийся день Саша думала, как ей от приглашения отказаться. Снова объявить своего ребёнка больным, совесть не позволит, а объяснений толковых у неё нет. И если получится соврать Анжелике, то Каравайцеву так просто не проведёшь. Она вцепится в неё, как клещ. Хотя бы по той причине, что они с Сашей на самом деле дружат, перезваниваются, ходят друг к другу в гости, и теперь разница в возрасте им совсем не мешает. Конечно, когда тебе семнадцать-восемнадцать лет, то разница в четыре года кажется существенной, словно ты являешься представителем другого поколения, так Саше всегда и казалось, когда она общалась с друзьями сестры, они казались взрослыми и умудрёнными опытом. А вот когда тебе ближе к тридцати, а твоей подруге тридцать с малю-юсеньким хвостиком, это никому

незаметно. И тот же Мишка Стариков, который когда-то поддразнивал и дёргал её за хвостики, которые Саша в юности так любила себе делать, сейчас разговаривает с ней серьёзным тоном, и с её мнением считается, что Саша очень ценит.

Все повзрослели, что сказать. Кто бы мог подумать, что прошло пятнадцать лет. И она больше половины своей жизни знает этих людей. И Алёну, и Старикова, и всех остальных... Они все выучились, получили дипломы факультета менеджмента, кто-то стал крутым специалистом, кто-то открыл свой бизнес, кто-то даже прогореть успел. А кто-то выйти замуж, родить детей, развестись... И она рядом с ними повзрослела, выросла, тоже стала матерью, вот только специалистом не стала, ни в какой области. Если только в продаже нижнего белья в последние два года здорово поднаторела. Но это точно не повод для гордости.

Когда часы показали ровно три пополудни, взяла мобильный телефон и набрала номер сына. Уроки должны были закончиться двадцать минут назад, и этого времени Мите как раз должно было хватить для того, чтобы собрать портфель, переобуться, съесть банан и дойти до раздевалки.

– Привет, мам, – бодро отозвался сынуля уже после второго гудка. Саша поневоле улыбнулась. У них всё чётко по графику.

– Привет, солнце. Как у тебя дела? Как уроки?

– Нормально. Только задали много. И опять читать.

– Какой кошмар, – посмеялась над его печалью Саша. –

Ты уже одеваешься?

– Да. Только куртку застегнуть.

– Замечательно. Тогда иди домой, пообедай и садись за уроки. Митя, когда я говорю «домой», это значит домой. Не к Лёше, не к Максиму, не за школу носиться, а домой. – Постаралась добавить в свой голос побольше строгости. – И прочитай всё, что задали. Я вечером проверю.

Митька вздохнул. Помолчал, затем мрачно поинтересовался:

– А гулять когда?

Саша невольно взглянула на окно, апрельское небо было серым и хмурым.

– Митя, дождь моросит. Что ты собираешься делать на улице?

– Мама, ты ничего не понимаешь, – заявил её восьмилетний сын, и в его голосе было уверенности в этом, хоть отбавляй.

– Куда уж мне... На холодильнике тарелка с пирогами, бабушка Валя передала. Погрей и ешь.

– А можно Лёшку к нам позвать?

– Чтобы вы не учили уроки, а играли в компьютер?

– Ну, мам!

Саша мысленно махнула рукой.

– Ладно. Выбираем меньшее из зол. По крайней мере, не придёшь весь грязный с улицы. Ешьте суп и пироги, я приду в шесть. – Заметила покупательницу, что вошла в ма-

газин, и поторопилась с сыном проститься. Только попросила: — Будь умницей. Пока.

Вот так вот. В последний год Саша всё чаще замечала, что сдаёт одну позицию за другой. У Митьки всё удачнее получалось настаивать на своём, и уверенности, чисто мужской твердолобости, в нём с каждым годом прибавлялось. А она совершенно не знала, как с этим бороться. Когда сын был маленьким и постоянно в ней нуждался, было куда проще. Не было времени, порой кончались силы, иногда хотелось всё бросить хотя бы на час, вновь почувствовать себя свободной и лёгкой, но всё равно было проще. А теперь Митя становится всё более самостоятельным и решительным, и как с этим справиться, Саша пока не придумала. Как говорила тётя Валя, мать Анжелики: мальчику не хватает мужского авторитета. А где его взять? Раньше у них хотя бы Петя был, муж Лики, и хотя, как уверяла сама Лика, толка от него не было вовсе, но в их семье присутствовал взрослый мужчина, а теперь одни женщины, и среди этого бабьего царства растёт Митька. Тревожащая ситуация, если честно. И практически не решаемая. Правда, есть шанс, что Лика снова замуж выйдет. Надо поинтересоваться, что у сестры на личном фронте. Вдруг уже претендент появился?

Правда, тётя Валя развеяла её ожидания уже этим вечером. Саша забежала к ней после работы, как и обещала, тётка накануне слегла с давлением, только и успела, что пирогов напечь, совершенно непонятно для кого, и, забрав у неё

пирог, потому что Лика мучное не ест ни под каким видом, пообещала вечером зайти по дороге домой, и принести кое-что из продуктов. А оказавшись у тётки на кухне, выпила чашку чая, и вот тогда, будто невзначай, поинтересовалась жизнью Анжелики. Что у той новенького, может, сестра что от неё скрывает. А тётя Валя лишь горестно отмахнулась.

– Этот развод убил в ней последнюю надежду. Честное слово. Саня, ну, вот сколько она выбирала? Ведь поклонники табунами ходили, выбрала Петечку. А ведь он казался очень порядочным молодым человеком, сама помнишь. Очень перспективным. – В этом месте тётка поморщилась и созналась: – Это Лика так про него говорила. А в итоге? Со всеми своими перспективами принялся по бабам бегать. Кобель.

Саша сочувственно покивала и развернула очередную конфетку. Вдруг почувствовала взгляд тётки, глаза на ту подняла и вопрошающе взглянула, не понимая, что ту заинтересовало.

– Что?

– Вся ты в мать, Санька. Маленькая, худенькая, и лопаешь всё подряд.

Саша не сразу решила, как реагировать, плечи расправила, задумалась: обидеться или нет, но затем решила, что тётке свои обиды демонстрировать бестолку. Она всё равно не проникнется. Но всё же решила расставить все точки над «і», а чтобы эти точки были очевиднее, грудь выпятила.

– Какая я худенькая?

– Ну, за это Митьке спасибо скажи. А так-то, в чём только душа всегда держалась. Ли́ка с юности тебе завидовала: ешь всё, что хочешь, и не толстеешь.

– Ага, – отозвалась Саша, но без всякого восторга. – И расти перестала лет в шестнадцать.

Саша на самом деле считала себя маленькой, особенно на фоне сестры, которая к восемнадцати годам вытянулась до ста семидесяти пяти сантиметров, и своими длинными ногами сводила с ума всех встречающихся ей на жизненном пути мужчин. А ей, можно сказать, повезло дорасти до ста шестидесяти сантиметров, и поэтому поражать чужое воображение, особенно мужское, было сложновато. Да всем и без того ясно, что красавица в их семье – Ли́ка. У неё и имя к внешности подходящее, Анжелика. А она Санька и Санька. Её всегда так звали все вокруг. И родственники, и одноклассники и друзья. И вот ей двадцать девять, а она до сих пор в Саньках ходит, и как всех отучить от этой мальчишеской клички по отношению к ней, не представляет.

– Да ладно, – отмахнулась тётка, всё в соответствии с её ожиданиями, – что тебе рост? Тебе же не с шестом прыгать. Ты конфеты-то ешь, ешь, вкусные. А ты котлетку не хочешь?

– Хочу, – призналась Саша. – Но мне домой надо. Митька друга грозился привести, боюсь в квартиру заходить. Предчувствую погром.

– Ты скажи ему, у меня вот давление нормализуется, я его

из школы забирать буду. Каждый день.

– Думаю, он очень обрадуется, – стараясь быть серьёзной, проговорила Саша, и поднимаясь из-за стола. К тётке подошла и поцеловала ту в щёку. – Я пойду, а ты ложись. Тебе же нельзя вставать, а ты чем занимаешься?

– Чем? Холодец варю. Там же ничего не надо делать. Поставил и вари себе, часов пять. Эти пять часов я и лежу.

Саша глаза закатила, но говорить ничего не стала. Дошла до прихожей, надела сапоги, сняла с вешалки пальто.

– Завтра позвоню, – пообещала она.

– Саня, – крикнула тётка, когда та уже в подъезд вышла. На весь подъезд она и крикнула. – Котлеты-то возьми! Мальчишку покормишь.

Саша поморщилась, подумав о соседях, которые теперь всё об их семейных котлетах знают, и поспешила заверить:

– У меня свои есть.

Тётя Валя оправила халат на полной груди, выглядела недовольной, затем рукой на неё махнула.

– Иди, ладно. Завтра холодца тебе дам.

Из подъезда Саша вышла с улыбкой на губах, ничего не могла с собой поделать. Думала о холодце и котлетах, а ещё о тёткином желании её раскормить. Раз уж родную дочь не получается, то хотя бы племянницу.

С тёткой Саше определённо повезло, это было понятно ещё в детстве. Её родители умерли рано, отец, родной брат тёти Вали, погиб в аварии, когда Саше едва исполнилось три,

а мама, погнавшись за личным счастьем, спустя несколько лет оставила дочь на мать погибшего мужа, а сама уехала в Самару, к новому мужу. Но что-то у них там не сложилось, дочку она забирать не спешила, а в год, когда Саше исполнилось двенадцать лет, утонула, так и не успев встретиться с дочерью до её взросления. Нельзя сказать, что Саша маму совсем не помнила. Помнила, но все воспоминания были какими-то неважными, и уж точно не судьбоносными. Не помнилось объятий, поцелуев, каких-то наставлений. Возможно, всё это и было, но чтобы запомнить или сделать выводы, Саша была слишком мала. А всё остальное, что казалось важным и запало в душу, происходило с ней уже при бабушке, с которой она прожила почти до двадцати пяти лет, пока та не умерла. В памяти была тётя с дядей, которые, по сути, и являлись для неё родителями, хотя формально Саша с ними и не проживала. Но они о ней заботились, они её любили и были заинтересованы в её благополучии, наравне с родной дочерью. И Саша это очень ценила. Сильно любила тётку, хотя та порой и действовала на её психику сокрушительно, но Саша знала, что это не от пустого желания её пожурить, это искреннее беспокойство. Тётя Валя – единственная родственница, которая у неё осталась. Не считая Анжелики, конечно. Но на ту особо рассчитывать не приходилось, Лике больше волновало собственное благополучие и устроенность. Лике недавно исполнилось тридцать три, и это было поводом впасть в отчаяние. Хотя, видимых признаков это-

го самого отчаяния сестра не подавала и никогда бы не допустила. Выглядела сногшибательно, больше двадцати пяти ей ни за что было не дать. К тому же, Петечка, уходя, оставил ей приличное приданное, в надежде, что с ним Лике будет проще найти нового мужа, да поскорее, и всё это приданное Анжелика вот уже год тратила на поддержание своей красоты и молодости. Жила в квартире бывшего мужа, которую он тоже оставил после развода ей, Саша подозревала, что желая избежать скандала, попросту откупался, как мог. Да и особо бедным человеком Петя не был, поэтому это был широкий жест, с барского плеча, и именно это Лику, на самом деле, и злило. То, что муж не просто посмел её бросить, он ещё смел жить в своё удовольствие, и деньги теперь зарабатывал и тратил не на неё, а на более молодую любовницу. Когда разговор об этом заходил, Саша предпочитала замолчать и сочувственно кивать сестре. Ей точно было нечего сказать, нечему научить и советов для обустройства личной жизни сестры, у неё точно быть не могло. Тот, у кого нет личной жизни, не может давать советов по этому поводу. Разве не так?

Переступив порог собственной квартиры, Саша помедлила, прислушиваясь. В квартире было тихо, и это внушало определённые надежды. Саша сняла пальто, наклонилась, чтобы расстегнуть сапоги, и тогда уже крикнула:

– Митя, я пришла. Чем ты занимаешься?

В маленькой комнате послышался грохот, что давно пе-

рестало удивлять, от её сына всегда было много шума, с тех пор, как он ходить научился. И Саша даже вздрагивать и замирать в плохом предчувствии давно перестала. Хотя, поначалу жила в уверенности, что любой шум, любой крик в исполнении сына знаменует падение, травму и даже сотрясение мозга. Митька рос очень активным ребёнком, и Саша, при своём спокойном характере, долго не могла с этим смириться. В том смысле, что Митя был больше похож на отца – энергичный, шумный и бесстрашный. Если бы она не запрещала категорически, сын уже давно качался бы на люстре в большой комнате, и это было бы вполне нормальным в их доме. С разбегу прыгнуть на диван, а с него на люстру. Что такого? На это даже особой тренировки не надо, у её сына обезьянья проворность с рождения.

Митька выпрыгнул ей навстречу из комнаты и разулыбался. Надо сказать, что заискивающе. Саша сделала вид, что нахмурилась.

– Что наделали?

– Да ничего, мам, всё нормально. Только мы всё съели.

– Правда? Какие молодцы.

Она всё-таки притянула сына к себе, потрепала по волосам, потом наклонилась и поцеловала в макушку. Пальцы запутались в его волосах, они курчавились и уже падали мальчику на глаза.

– Надо сводить тебя в парикмахерскую, – сделала она заметку для самой себя. А когда Митя отстранился, спроси-

ла: – Лёша давно ушёл?

– В пять, ему мама позвонила.

Саша прошла на кухню, посмотрела на грязную посуду в раковине. Мысленно вздохнула, но сыну улыбнулась, ободряюще.

– А ты как, не боялся, оставшись один?

Митька фыркнул, сел за кухонный стол, то есть, почти лёг на него, обхватив руками, а на мать взглянул снисходительно.

– Вот ещё. Что я, маленький?

– Конечно, не маленький, – поторопилась согласиться с ним Саша, но особо в бравладу сына не поверила. Он лишь недавно стал возвращаться из школы один, и дома до самого вечера теперь был один, и как бы сам не храбрился, и что бы себе ни говорила Саша, пытаясь усвоить мысль, что у неё почти взрослый сын, всё равно волновалась. И, конечно же, замечала и улавливала все тени и намёки на его лице. Она всё-таки мать. И как бы Митька не храбрился, когда она появлялась дома, она знала, что определённый дискомфорт, находясь в одиночестве в пустой квартире, он испытывает. Поэтому и не спорила, когда он просил разрешения пригласить к ним друга. Было понятно, что они одни в квартире больше дурачатся, чем учат уроки, но так и Мите, и самой Саше было спокойнее.

Суп и пироги были съедены. А также конфеты, все подчистую, одни фантики в мусорном ведре. Саша пока ужин го-

товила, Митя умчался обратно к себе в комнату и что-то время от времени ей оттуда кричал. Рассказывал про школьные дела, возмущался количеством домашнего задания, а также тем, что его заставляют – мама, заставляют! – говорить по-английски. Разве это справедливо?

– Ужасно несправедливо, – согласилась Саша, раздумывая, как сообщить сыну, что на следующий год собирается нанять ему репетитора по тому самому ненавистному английскому языку.

– А пироги были вкусные, – сказал Митя за ужином. Уплетал за обе щеки макароны с подливой и мотал ногой. За это Саша его поругала, точнее, одёрнула, и на минуту он это делать прекратил. Правда, всего на минуту. Саше иногда казалось, что в сыне энергии столько, что он даже минуту спокойно посидеть не может. Если ногой мотать не будет, у него даже пища не усвоится. – С яблоками. Надо бабушке Вале сказать, чтобы ещё испекла. С вареньем.

– Она завтра нам холодца даст, обещала.

– Фу, холодец я не хочу. Я пирогов хочу.

Саша прищурилась, к сыну присмотрелась. А потом вспомнила слова тётки, что она адресовала ей, мол, ест всё, что хочет, и не толстеет, и, кажется, сыну метаболизм от неё достался. Вот с чем – с чем, а с аппетитом у Мити проблем не было никогда. Он как волчонок, есть хочет всегда. Правда, во всём остальном – росте, силе и решительности, Митя на неё похож не был. А также в скорости сообразитель-

ности ей только позавидовать восьмилетнему сыну можно. В школу Саша ходила, как по расписанию, вот уже год. Первый класс пережили более-менее спокойно, первоклашки считались несмышлёными детьми, и им многое прощалось, по крайней мере, психолог, который теперь на полной ставке почти в каждой школе, призывал быть терпимее, и к детям присматриваться, стараясь выявить зачатки таланта и индивидуальности. А вот во втором классе ситуация накалилась до предела, потому что, кажется, о её сыне уже всё выяснили, и принялись вызывать Сашу в школу. Пока к классному руководителю, хорошо, что не к директору. Страшно было подумать, что будет дальше.

– Зайди завтра после школы к бабушке Вале, – подала сыну идею Саша. – Она болеет, ей будет приятно. Но пирогов не проси, Митя. Лучше принеси ей что-нибудь.

Митя стал жевать медленнее, задумался. Потом спросил:

– А что я ей принесу? Булку из столовки?

Саша улыбку спрятала.

– Это было бы мило с твоей стороны. Но лучше принеси пятёрку.

– И где, по-твоему, я её возьму?

Саша приказала себе не расстраиваться, лишь поинтересовалась:

– Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Я думаю, мама. Когда я чего-то не знаю, я всегда спрашиваю у тебя.

Вот как можно на него злиться? Саша когда из-за стола поднялась, чтобы свою тарелку в раковину отнести, сначала к сыну подошла и поцеловала того в лоб.

– Это правильно. Не забывай меня спрашивать.

Следующие дни прошли в разговорах о предстоящей встрече с прошлым. Саше без конца звонила Каравайцева, было непохоже, что она советовалась, Алёна без всяких подсказок всё знала лучше всех, по всей видимости, ей просто нужно было выговориться, а иногда и пожаловаться. На нахальство одних, на беспечность других, и даже безнравственность третьих. Да, да, оказывается в их группе, безнравственных личностей было хоть отбавляй. Или это с людьми позже произошло? Судя по тому времени, что Алёна потратила на размышления об этом, её этот вопрос не на шутку волновал. Ещё звонил Стариков, и жаловался уже на Каравайцеву. Так и сказал:

– Сань, она меня достала. Чего ей надо?

– Чтобы ты хорошо в субботу отдохнул, – сказала Саша, стараясь быть миролюбивой и уж точно желания обсуждать подругу за её спиной, в ней не было.

Но Мишка, кажется, не поверил, потому что многозначительно хмыкнул.

– Да? Сначала доведёт меня до инсульта, а потом будет реанимировать бутылкой водки. У меня жена есть, чтобы плешь мне проедать, на фиг мне сдалась Каравайцева?

– Миша, мне тебя жалко, – сказала Саша, стараясь его

поддержать, хотя повода и не находила. Но на то ведь друзья и существуют, чтобы выслушать и время от времени поддакнуть.

Стариков, видно, понял, что она несерьёзно, потому что вздохнул, после чего сказал:

– Врёшь ты всё, – и отключился.

А вот в один из вечеров пришлось встретиться с сестрой, и вот тогда уже поговорить о предстоящем серьёзно. Лика сама позвонила и пригласила вечером её навестить.

– Приходи. Выпьем, поболтаем, – предложила она, а Саша решила не отказываться. Несмотря на некоторую дистанцию, которую Саша старалась держать, к Анжелике она относилась хорошо, искренне ценила их родственные связи, и провести иногда вечер вдвоём, за бокалом вина, в тишине, без детских криков и постоянных требований, было приятно. К тому же, Лику очень интересовало, в чём Саша собирается на встрече выпускников появиться, и что скрывать, Сашу и саму это интересовало, потому что идей пока не было, и ей необходим был совет Анжелики. Та прекрасно разбиралась в нарядах, дизайнерах и последних веяниях моды. Её это всегда интересовало больше, чем что-либо остальное в жизни, и поэтому Саша совершенно не удивилась, когда сестра с порога, вместо приветствия, ей заявила:

– Я подумала, что тебе нужно что-то жёлтое! Жёлтое сейчас на пике.

– Правда? – Саша переступила порог квартиры Анжели-

ки, закрыла за собой дверь и принялась неспешно раздеваться.

Лика наблюдала за ней, оглядывала придирчиво, а когда Саша оказалась без пальто, в скромном форменном платье, не скрываясь, поморщилась. Она сама даже дома не допускала никакой расхлябанности, не носила банальных халатов и тапочек. Саша сколько раз поражалась, как у сестры хватает выдержки даже по дому, даже находясь в одиночестве, ходить хоть и в миленьких шлёпанцах, но на каблуках. Лика всегда была при макияже, прилично одета, будто каждую минуту ожидала визита дорогого гостя, читай: принца. Такой собранности и ответственному отношению к своей жизни можно было только позавидовать. Правда, удержать мужа ей это не помогло. Почему-то. Саше это казалось настоящей загадкой.

– Вина выпьешь? – спросила Лика, когда Саша сунула ноги в пушистые гостевые тапочки и прошла за хозяйкой в гостиную.

– Ещё бы. День был сумасшедший.

– Что у вас там с новой коллекцией? Пришла?

– Пришла. Можешь завтра заехать.

– Обязательно. – Анжелика улыбнулась. – В субботу надо быть во всеоружии.

– Смотрю, ты серьёзно настроена. – Саша присела на мягкий диван, буквально утонула в подушках, и от удовольствия зажурилась на секунду. А когда глаза открыла, невольно при-

нялась наблюдать за сестрой. Как та достаёт хрустальные бокалы, берёт бутылку вина, выдёргивает пробку... На Анжелику можно было смотреть и смотреть, бесконечно. Она была будто само воплощение женской красоты на этой планете. Высокая, гибкая, стройная, красивая. Правда, грудь маловата, сестра из-за этого тайно комплексовала, искала спасение в специальных бюстгальтерах с поддержкой, и поэтому Саша была в курсе её озабоченности. Потому что это даже проблемой не было, Лика сама придумала себе этот недостаток, Саша была в этом уверена. Но спорить с сестрой по этому поводу... по любому поводу, было невозможно. Потому что Лика никогда не повышала голос и не выходила из себя, в этом не было необходимости. Она просто застывала, обиженная и оскорблённая, замолкала, взгляд подёргивался мутной поволокой, губы начинали дрожать, а уж когда она отворачивалась, в попытке справиться с собой и пережить обиду, любой человек, что оказывался рядом, готов был броситься ей на выручку и всё исправить, чего бы ему это не стоило. Любый, не говоря уже о мужчинах. Те попросту замирали рядом с Анжеликой и заметно глупели, прямо на глазах. Саша эту картину наблюдала с самого детства. Ещё помнила те времена, когда Лика смеялась над таким глупым поведением, но с годами научилась мужскими слабостями пользоваться, и Саша уже давно не сомневалась – сестре это нравилось. Лика перестала смеяться, перестала находить в этом хоть что-то забавное и относиться к этому легко. Она поль-

зовалась. Но опять же, это не помогло ей удержать мужа. Совершенно непонятно, что нужно этим мужикам. Если даже от золотоволосых нимф уходят.

– Не хочется ударить в грязь лицом, – сказала тем временем Анжелика. Саша моргнула, и не сразу сумела оторваться от созерцания красоты и своих мыслей, понадобилась секунда, прежде чем сумела вспомнить тему их разговора.

Саша приняла из рук сестры бокал с белым вином.

– По-моему, ты слишком серьёзно принимаешь слова Алёны.

– Да? – Анжелика скептически на сестру взглянула, даже вздёрнула идеально выщипанную бровь. – А вот ты, по-моему, – Лика намеренно выделила это «по-моему», – слишком спокойно. Тебе всё равно, в чём идти? Каравайцева говорит, что будут все!

– И ты веришь? – Саша сделала пару глотков вина, потом даже губы облизала. – Замечательное вино.

Лика опустилась в кресло напротив, закинула ногу на ногу. Вяло отозвалась:

– Ага. – А сама казалась призадумавшейся. Спустя полминуты обратила к сестре заинтересованный взгляд: – Так в чём ты пойдёшь?

– Я ещё не решила, – созналась Саша. – Да и выбор у меня небольшой. Возможно, в красном...

– Ты была в нём на Новый год!

– И кто меня видел, кроме тебя и Алёнки?

– Мишка. Так что, это неприлично.

– Лика, ты предлагаешь мне, купить платье?

– Именно это и предлагаю.

Саша в досаде потёрла кончик носа. Затем созналась:

– Денег жалко.

– Да ты с ума сошла! Что может быть важнее первого впечатления? Или хочешь, чтобы тебя вспомнили по дурацким хвостикам? Ну, так надень старые джинсы и завяжи хвосты. – Лика фыркнула. – Сойдёшь за шестнадцатилетнюю.

Саша на сестру взглянула со значением, после чего чуть ядовито улыбнулась.

– Не завидуй.

Анжелика окинула взглядом свою гостиную.

– Чем бы в тебя кинуть?

Саша рассмеялась. Выпила ещё вина, затем поднялась.

– У тебя в доме хоть какая-нибудь еда есть? Я точно опьянею, я обедала рано.

– На кухне есть хлебцы. Ещё яблоки.

Саша даже притормозила на пороге, на сестру обернулась.

– Лика, ты доведёшь себя до язвы.

– Не успею. Мама уже завтра обещала привезти мне холодца. Вообще не понимаю, как это есть можно. Сплошной жир. Мясо и жир, мясо и жир. И пироги. И после этого она ещё удивляется, что у неё давление скачет! Если есть всякую дрянь...

Про дрянь Саша дослушивать не стала, прошла на кухню,

отстранённо подивилась странной, непривычной для женщины с ребёнком, чистоте, отсутствию грязных тарелок в раковине и крошек на столе. Открыла шкафчик и достала пачку пшеничных хлебцов. Выглядели они не слишком аппетитно, ничем не пахли, и на вкус, наверняка, как опилки, но это было лучше, чем ничего. О, яблоки! В холодильнике на самом деле нашлась парочка зелёных яблок, а также упаковка греческого натурального йогурта. Практически обезжиренного. Саша в сомнении её разглядывала, затем вернула на полку. Не смогла представить, как она это ест.

Когда Саша вернулась в гостиную с хлебцами и яблоком, Анжелика презрительно фыркнула.

– Ты, конечно, с тоской думаешь о мамином холодце, признайся.

– Сейчас особенно, – не стала спорить Саша. Снова устроилась на мягких подушках, достала хлебец и откусила. Точнее, попыталась, и этот мерзавец закрипел на зубах. Но Саша стойко его жевала.

– Каравайцева мне поклялась, что на этот раз Панкратов будет. Я слышала, он развёлся.

– Собираешься обсудить с ним эту тему? – невинно поинтересовалась Саша.

– А почему нет? У него сеть аптек по городу.

– Знаю.

– А знаешь, кого ещё она пригласила? Александра Ростиславовича. – Лика даже бокалом ей отсалютовала. А вот Са-

ша непонимающе нахмурилась.

– Кто это?

Анжелика немного растерялась, смотрела на неё, затем рукой махнула.

– Ах, ну да. Ты же не училась. Он преподавал у нас информатику. Пятнадцать лет назад он был полон сил, задора и девчонки влюблялись в него пачками. Интересно будет посмотреть на него через десять лет. Что там с его залысынами. – Анжелика рассмеялась, и тем же смеющимся тоном добавила: – И Толя будет.

– Какой ещё Толя?

Улыбаться Лика перестала, даже брови сдвинула.

– Богатырёва, хватит тупить.

Саша перестала жевать, глаза на Лику таращила, потом поняла, что у неё полный рот опилок. Дышать она не может, говорить не может, во рту пересохло. Хорошо, что про вино вспомнила.

Допила залпом, пытаясь проглотить хлебец. И всё равно заговорить так сразу не смогла, тем более, нужно было разыграть спокойствие... Если спокойствие, вообще, можно разыграть, и если о нём речь в эту минуту идти может.

– Ефимов?

Лика кивнула с определённым удовольствием и намёков.

– Ефимов. Ума не приложу, где Каравайцева его выловила.

– Значит... он вернулся в город?

– По всей видимости. Хотя, на мой порог ещё не приползал. Будет любопытно на него взглянуть, правда? – Анжелика поднялась, отвернулась от Саши. – Выпьем ещё?

Пользуясь тем, что сестра её видеть не могла, Саша зажмурилась. То ли от шока, то ли уже от ужаса. Губы вытерла, хотя, на самом деле, пыталась понять, трясутся или нет. Вроде не тряслись, и даже в кривой улыбке получилось их растянуть, когда Анжелика подошла к ней, чтобы забрать пустой бокал.

– Мне Алёна ничего не говорила... про Ефимова.

Лица плечами пожала.

– Со мной тоже откровенничать не стала. Только сказала, что он сам позвонил, сказал, что придёт. Узнал от кого-то.

– Так может... он давно в городе?

– Может, и давно. – Лица снова устроилась напротив, но на Сашу не смотрела. Взгляд был устремлён вдаль, а на губах появилась вызывающая усмешка. – Он уезжал с наполеоновскими планами, помню, что мне говорил. И вот приехал обратно. И что-то мне подсказывает, что живёт в квартире матери.

– И что в этом такого?

Лица плечами пожала.

– Да ничего. Это всего лишь Ефимов. – Анжелика улыбнулась, отсалютовала Саше бокалом и сказала: – Выпьем. За субботу. Будет весело.

Саша ничего не сказала, но вина выпила. Сделала

несколько больших глотков, а про себя сказала: за прошлое.

Но чего она точно не хочет, чего не желает больше видеть, так это того, как отец её сына, снова упадёт в ноги к её сестре. Удружила, Каравайцева, ничего не скажешь.

Но при всём душевном ужасе и сопротивлении, теперь Саша точно не пропустит субботнюю встречу. Хотя бы ради того, чтобы просто взглянуть на НЕГО... Спустя девять лет.

Конечно, никакого жёлтого платья Саша себе не купила. По нескольким причинам. Во-первых, в отличие от Анжелики, её бюджет не предусматривал отдельной статьи для нарядов, ей никто отступных и приданного не оставлял, и лишние средства взять было неоткуда. А во-вторых, после того, как первое волнение улеглось, и она смогла сделать первый вдох, и к ней вернулось рациональное мышление, она подумала: с какой стати?.. В том смысле, что она не должна думать о Ефимове, а уж тем более думать о платьях и о чём-то подобном, в желании что-то доказать или поразить его воображение.

Но это так странно, прошло девять лет, и она даже от имени его отвыкла. Толя Ефимов. Звуки из другой, давно позабытой жизни. Где она молодая, неопытная и вечно смущённая пламенем, что её озаряла сестра. Толя был одним из тех, кого это пламя опалило не на шутку. Все годы учёбы он добивался любви Анжелики. Не расположения, не симпатии, а именно любви, потому что Толя Ефимов всегда хотел всего самого лучшего, и властвовать над этим безраздельно. И Лиду он видел своей – женой, любовницей, спутницей жизни, в то время, в том возрасте, это казалось не таким уж и важным и существенным. Он хотел её, и этого было достаточно, чтобы идти к своей цели, не оглядываясь по сторонам.

И Саша прекрасно помнила, что она той стороной, в которую Толя забывал посмотреть, и была. Стояла и наблюдала за тем, как всё рушится. Отношения Лики и Ефимова были подобны грому – громкие и устрашающие, но с каждым раскатом всё менее впечатляющие. И, в конце концов, Толя уехал, в один день, собрался и исчез из их жизни. Даже не ведая, какое воспоминание и наследие после себя оставил. И Саша давно перестала ждать его, строить какие-то планы, представлять их встречу. Она даже перестала об этом мечтать и этого хотеть. Сейчас она боялась правды. Что Толя узнает, а особенно, Митька...

Её сыну восемь лет, и он, без сомнения, как любой мальчишка, нуждается в мужском воспитании, и как любой любознательный ребёнок, время от времени задаёт вопросы про папу... И Саша каждый раз в ужасе замирает, не зная, что сыну говорить. Тётя Валя ругала её за ту бездарную сказку, которая больше на отмазку смахивала, о том, что папа не может с ними жить, что работает, что... Что бы ещё придумать? – Всё сложно, Митя. У взрослых всё так сложно бывает. Мне жаль...

Тётка её за это ругала. Потому что было понятно, чем старше Митька становится, тем больше понимает. И скоро он начнёт задавать совсем другие вопросы, по крайней мере, ответов будет ждать других, более конкретных. И Саша это знала. Раздумывала над тем, какой тон избрать: мягкий и обещающий, или категоричный, не оставляющий надеж-

ды? Ещё совсем недавно склонялась ко второму. Знала, что будет трудно и больно сказать сыну, что папа... что папы нет, и ждать незачем, а вот теперь... Ефимов вернулся в город. И в субботу она с ним встретится.

Совершенно не знает, чего ожидать. С какой целью, с победой или поражением он вернулся? Как выглядит спустя девять лет? Что скажет ей при встрече? В этом месте можно было печально улыбнуться. И впервые за много лет позволила себе вспомнить, причём очень ясно и чётко, будто это было несколько дней назад, его голос и улыбку. И его:

– Привет, малыш.

Она всегда была для него малышом. Сначала крутящимся под ногами и мешающим, потом милым щеночком, с которым можно пошутить и посмеяться, в ожидании Лики, а потом... он уехал, не вспомнив о малыше, который дома вопил от восторга, веря, что всё только начинается. Толя её любит!

– Дурацкие фотографии, – пробормотала Саша, разглядывая огромное количество снимков, разлетевшихся по покрывалу на постели. Сама достала коробку с фотографиями с антресолей, сто лет этого не делала, не позволяла себе, не желая расстраиваться и раскисать, а вот сегодня, проснувшись утром и первым делом вспомнив о предстоявшей в субботу встрече, поддалась желанию вспомнить его лицо. Точнее, убедиться, что помнит.

С фотографий, почти со всех, смотрело его лицо. Толя был душой компании, без него не обходились ни одни сту-

денческие посиделки. Ни без него, ни без Лики. В этом смысле они друг другу весьма подходили. А так как Саша была самой младшей и, следовательно, всегда трезвой, фотографировала зачастую она. Так что удивительного, что Толино лицо присутствовало практически на каждом снимке? И сейчас Саша разглядывала фотографии, и чувствовала, как у неё сжимается сердце. Не от тоски, нет. И даже не от страха перед встречей. Она смотрела на Ефимова и чётче, чем за все последние девять лет, понимала, что видит своего сына в будущем. Да, сейчас сходство ещё не так бросается в глаза, особенно людям, которые не желают приглядываться, но она-то... она всё видит и замечает. И улыбку, и непослушные кудри, которые падают на лоб, и нос с небольшой горбинкой... Жесты, а ещё невероятный, не проходящий задор в глазах.

В какой-то момент не выдержала, отодвинула от себя фотографии и даже отвернулась. Сердце стучало, и всё в дурном предчувствии. И бесполезно было говорить себе, что он не знает. Сегодня не знает, завтра... Может, не ходить на встречу? Отсидеться, как всегда, в сторонке, подождать, пока Ефимов снова скроется на необъятных просторах родины, а то и за её пределами. Вот только существует опасность, что не скроется, что он вернулся насовсем, а уж когда увидит Лику... Можно будет только истерически рассмеяться, если этот дурак пойдёт по проторённой дорожке. А чтобы не смеяться истерически, оказавшись в невероятно дурацкой ситу-

ации, придётся пойти и самой разобраться в происходящем. Потому что Саша совершенно не представляет, как после будет выпытывать подробности у Каравайцевой или у сестры. Алёнка, наверняка, станет возмущённо фыркать, а Лика смеяться и жеманно отмахиваться. Она любит наводить тень на плетень, её это забавляет.

– Дурацкие, – повторила она злым шёпотом, а в следующее мгновение с ужасом уставилась на взъерошенного сына, который заглянул в её комнату. Только с кровати поднялся, зевал и тёр глаза, переминался с ноги на ногу.

– Мам, я проснулся, – оповестил он. Моргнул, посмотрел с любопытством. – А ты чего делаешь?

Саша поторопилась прикрыть фотографии краем покрывала. Сыну улыбнулась.

– Ничего, разбираю кое-какие вещи. – С постели поднялась, распахнула дверь и сына поцеловала. – Молодец, что сам встал. Иди, умывайся, я приготовлю завтрак.

– Хочу гренки!

– Хорошо, гренки, – не стала спорить Саша. Митьку в ванную отправила, а сама торопливо сгребла снимки в одну кучу и сунула в коробку. Правда, те мялись и сопротивлялись, как могли, и Саша даже разозлилась настолько, что собрала эту злосчастную коробку тотчас отправить в мусорное ведро. И плевать, что на них Ефимов, плевать, что она сама ещё с хвостиками и с целым сердцем, наплевать, что эти фотографии – память не только о её прошлом. На них ещё

Алёнка на два размера меньше, для неё это, наверняка, ценно, да и Мишка Стариков ещё без бородки и подтянутый. При жене в последние три года расслабился, брюшком обзавёлся. Поэтому Саша эти фотографии столько лет не выкидывала, хотя, за последние лет семь, ни разу не доставала и не смотрела. Не хотела. И сейчас с трудом закрыла крышку и поторопилась спрятать её обратно в шкаф. Ещё бы так просто, как закрыть дверцу шкафа, вернуть себе душевное равновесие.

– Придётся тебе в субботу переночевать у бабушки Вали, – сказала она сыну, когда они наконец сели завтракать.

Митька тут же насторожился, на неё посмотрел нахмурившись.

– А ты где будешь?

– А меня пригласили в ресторан, – вроде бы похвастала Саша.

– Кто?

Хороший вопрос. Саша размешивала сахар в своей чашке с кофе и сына разглядывала.

– Митя, у тебя жутко серьёзный тон, – решила пошутить она.

– А я и не шучу. Мама, у тебя свидание?

Саша притворно ахнула.

– Боже, Митя, какие слова!

– А что? Серёга Никифоров из нашего класса недавно Ксюшку Фролову на свидание приглашал. Ничего хорошего

из этого не вышло. – Митя, кажется, успокоился и снова с аппетитом принялся за гренки. А вот Саша заинтересовалась.

– Что случилось?

Митька небрежно дёрнул плечом.

– Серёга пригласил её в «Самохвал». Ну, в кафе, в автоматы поиграть... Девчонки же тоже это любят.

– Логично.

– Они с папами пошли. И пока Серёжка с Ксюшкой на автоматах играли, их папы пива перепили. И мамам пришлось их забирать.

Саша выслушала, после чего постаралась спрятать улыбку. Серьёзно кивнула.

– Очень полезная информация. Обещаю, я пиво пить не буду.

– Не пей, – сказал Митя без лишних эмоций. – Кто тебя забирать будет?

После этих слов улыбаться расхотелось. Саша поторопилась загородиться от сына чашкой с кофе.

– А с кем ты пойдёшь в ресторан? – спустя минуту спросил Митька, видимо, вспомнив, что не прояснил до конца ситуацию.

– С тётей Алёной и дядей Мишей, – честно ответила Саша, решив отступить от ненужной интриги. Да и сын сразу успокоился. Правда, поинтересовался:

– А меня не возьмёшь? Я не был в ресторане.

– В другой раз, милый. Мы там будем не одни, у нас встре-

ча... выпускников.

Больше Митя ни о чём спрашивать не стал, и Саша сочла это за благо. После истории с провалившимся свиданием, настроение как-то пропало.

Предъявлять Каравайцевой претензии по поводу того, что та не поставила её в известность о самой пикантной новости этого года – возвращении Ефимова, Саша не стала. Побоялась, что начнёт говорить и остановиться не сможет. Что банальный, вроде бы риторический вопрос, обрастёт эмоциями и деталями в её исполнении, и Алёнка что-нибудь заподозрит. Никогда и ни с кем Саша о Ефимове не говорила. Кто-то удивится, спросит: почему? Что страшного в том, если кто-то узнает правду? Хотя бы самые близкие. Сколько раз ей задавали один и тот же вопрос: кто Митькин отец? А она каждый раз посылала всех подальше. Не хотелось объясняться, обсуждать, а тем более оправдываться. Перед той же Ликой. Та, как собака на сене. Ей и самой Ефимов не нужен был, всегда планы глобальнее строила, но и просто так делиться преданным поклонником, она желания не имела. Не смотря на все Толины недостатки, которые для Анжелики банальным образом сводились к финансовой несостоятельности, ей нравилось время от времени появляться с ним под руку, прекрасно знала, что парой они были красивой. И Лика не особо расстроилась, когда Толя уехал, к тому моменту она уже собиралась замуж за Петечку. И решительный и не привыкший делиться Ефимов мог ей помешать, поэто-

му на тот момент его внезапный отъезд из города, был весьма кстати. Никто из них и подумать не мог, что Толя уедет и пропадёт на девять долгих лет. Его давно перестали ждать и даже вспоминать. Собираясь узкой институтской компанией, его имени не упоминали, и Сашу это вполне устраивало. Лика и без того поклонника со студенческих времён забыла, и это не удивляло, у Анжелики была весьма избирательная память. Удобная, как называла это Саша. Настолько удобная, что впору ставки делать, как всё в субботу повернётся. И поэтому ей лучше в очередной раз отмолчаться, со стороны понаблюдать. Хотя, что скрывать, вчера, лёжа без сна, прокрутила в уме ситуацию, встретить Ефимова в лоб невероятной новостью. И заодно посмотреть, как на это отреагирует Лика. Правда, эта ситуация была настолько фантастической, что над ней можно только посмеяться и отбросить за нереальностью.

Кстати, у прокрученной ситуации было два финала, и, раздумывая над хэппи-эндом, Саша даже ущипнула себя, и приказала себе спать. А не забивать голову несбыточными мечтами, как в юности. Мечты мечтами и остаются. Ей ли не знать?

В субботу утром созвонилась с Ликой, ещё раз обсудили наряды (если быть честной, то звонила Анжелика и обсуждала свой наряд, на Саше сестра давно в этом смысле крест поставила, не ожидая от неё ничего интересного). Саша ещё ждала, что Лика вновь заговорит о Ефимове, хоть что-то ска-

жет, мол, ждёт встречи, если не с нетерпением, то с любопытством, но та промолчала. И думай, что хочешь. Но что-то Саше подсказывало, что это она ждёт и именно с нетерпением, а Лика больше занята мыслями о себе, о туфлях и сумочке, чем о бывшем поклоннике. Это было понятно, и в то же время странно, и даже некое злорадство в отношении Толи вызывало в Сашиной душе. В общем, целый букет ощущений, чувств и эмоций, из-за чего она весь день будто пьяная ходила, без всякого вина и шампанского. И смеялась над собой же. Когда в последний раз она была настолько взбудоражена? Когда он уехал? Или когда узнала о беременности? В дальнейшем лишь справлялась с трудностями, трястись от волнения её мало что заставляло. Но одно его имя действовало магически. И вот она трясущимися руками выбирает платье, их у неё всего три, и выбирать особо не из чего, поэтому выбор несёт за собой огромную ответственность. К тому же, добрая половина людей, с которыми она сегодня встретится, и не видели её никогда в платье. Лет до двадцати пяти в её гардеробе царствовали джинсы, изредка уступая юбкам, которые никак не могли считаться приличными и скромными. Бабушка всегда ругала её за выбор одежды. Она считала, что лучше темной юбки и беленькой кофточки, одежды для женщины нет. Нельзя сказать, что Саша, повзрослев, пришла к такому же выводу, но с возрастом приоритеты сменились, захотелось чего-то более женственного и благородного, чем джинсы и футболки.

И вот сейчас она смотрела на себя в зеркало, одетую в мягкое платье из джерси, насыщенного шоколадного цвета, и, признаться, особого восторга по поводу своей внешности не испытывала. Тёмные волосы убраны наверх, макияж умеренный, оранжевый ремень на талии выделяется ярким пятном и не даёт заскучать, но всё равно что-то не то, чего-то не хватает, какое-то лёгкое неудовольствие в душе. И Саша не сразу поняла, что, разглядывая своё отражение, пытается представить, как этим вечером будет выглядеть сестра. Лица ей все уши прожужжала про свое небесно-голубое платье. Оно подчеркнёт её золотистые волосы и пронзительные голубые глаза. А она, в шоколадном (ладно, будем называть вещи своими именами – в коричневом), вновь на её фоне растворится.

И чёрт с ним. Растворится, зато спокойно понаблюдает и оценит. Сделает выводы.

Саму себя успокоить пытается.

Зачем она согласилась на этот вечер выпускников? Она даже не выпускница никакого института!

– Говорила я тебе, что заеду, – ворчала на неё по телефону Каравайцева. Саша ехала в такси, которое, конечно же, по всем законам жанра очень удачно встало в пробке, и оттого, что Алёнка на неё ворчала, ещё больше нервничала. – А ты: нет, нет! Сейчас бы уже здесь была!

– Все уже собрались?

– Ну, не все, но многие. Долго простои́те?

Саша глянула в окно.

— Да нет, может, минут пять.

Алёна тут же выдохнула.

— Это хорошо. — И зашептала ей: — Саша, все так изменились, ты не представляешь. И все такие важные. Прямо компания министров финансов.

На языке так и крутилось: а Ефимов? Ефимов пришёл? Он как? Тоже... министр финансов?

Думать, что Толя похож на министра финансов, было странно. У Саши даже в костюме и при галстукe его представить не получалось. С его вечно непослушными вихрами, залихватской улыбкой, в потёртых джинсах, он на роль министра или даже чиновника не годился. По её мнению. Но кто знает, как его изменили прошедшие девять лет.

Ресторан, где они арендовали банкетный зал, и рестораном-то в полном смысле этого слова, не был. Небольшой, но чистенький, с приличной кухней. Сашу даже на входе никто не встретил, никаких тебе охранников, привратников и всяких прочих лакеев. Оставила пальто в гардеробе, подошла к зеркалу, большому, в полный рост, не то что у неё дома, осмотрела себя. И сделала судорожный вдох. Получилось чересчур взволнованно, но именно так она себя в этот момент и чувствовала. И глаза её выдавали. Саша зажмурилась на секунду, приказала себя улыбнуться, и тогда уже решительным шагом направилась к дверям банкетного зала. По узенькому коридорчику, к непримечательным таким две-

рям. За которыми уже слышались голоса и взрывы смеха. Ужасно, заходить последней. Нельзя было опаздывать, никак нельзя.

Хорошо ещё, что за столом ещё никто не сидел. Все разговаривали, разбились на отдельные группы, видимо, по интересам и уровню знакомства, смеялись над общими шутками, кто-то уже наполнял бокалы. Но когда Саша вошла, на мгновение стало тише, на неё обернулись, присматривались, пытались узнать и вспомнить. Потом кто-то привычно воскликнул:

– Саня! – и секундная неловкость исчезла. Она улыбнулась, протянула руку для приветствия, а её вдруг кто-то обнял, и Саша ненадолго замерла в незнакомых объятиях.

– Сашка, какая ты взрослая стала.

– Правда? Вас всех догнала?

– Ну, почти. И в этом нет ничего хорошего.

– Не надо прибедняться. Все молодые и красивые.

– Особенно я, – во всеуслышание известила всех Алёна, пробираясь ближе к Саше. Правда, добавила: – И только пусть попробует мне сегодня кто-нибудь сказать, что мне четвёртый десяток.

– Все пришли? Давайте уже за стол садиться!

– Кому так не терпится, а?

Вновь послышался смех, Сашу кто-то обнял за плечи, и она, что скрывать, испытала облегчение в некотором роде, чужой на этом празднике она себя чувствовать не будет,

это точно, но самое главное испытание ещё впереди. Подошёл Стариков, руки ей на плечи положил, что-то на ухо сказал, а Саша лишь бездумно кивнула, совершенно не уловив смысла в его словах. Она высматривала сестру в зале. Сестру и... Да, его.

К этой встрече она готовилась несколько дней. Дней, ночей, много и много часов. Представляла и фантазировала, продумывала своё поведение и даже взгляды... какие-то слова. Но всё равно подготовить себя к тому, что её пронзит словно током, насквозь, не смогла. Отреагировала именно на небесно-голубой всполох на дальнем конце большого стола. Посмотрела туда, увидела сестру, но сознание уже не воспринимало несущественную, на его взгляд, информацию. Прекрасное видение в виде Лики отошло на второй план, и Сашин взгляд остановился на Ефимове. Со всей его скромностью, он сидел во главе стола, в расслабленной позе, и улыбался. Не ей, и даже не Анжелике. Он разговаривал с Новиковым, который, оказывается, всё же почтил присутствием их компанию этим вечером, и Ефимов слушал его, кивал и посмеивался. Совершенно непонятно, что такого занятного ему Виталик Новиков рассказывал. А Саша сглотнула, всё ещё чувствуя Мишкины руки на своих плечах, и, наверное, полминуты не могла отвести глаз. Всё-таки правда, не шутка, не ошибка. Он в городе. Вернулся. И почти не изменился. Только былые кудри забыты, стрижка короткая, усмешка ещё более нахальная, в плечах раздался... воз-

мужал. И на этом перемены заканчиваются. Лёгкий свитер, джинсы, широкий браслет часов на запястье. Неуловимый, ненавязчивый дух состоятельности и жизненного комфорта. Единственное, что удивляет и заставляет задуматься о свершившихся переменах, это то, что смотрит Толя на Новикова, и разговаривает с ним. Девять лет назад он смотрел бы только на Лику. Да и та не потерпела бы к себе подобного преступного невнимания, а сегодня сидит рядом и в разговор не лезет. Но... всё равно выглядит довольной. А потом и рукой помахала. Саша даже не сразу поняла, что это ей. Только в ужасе, с застывшей на губах улыбкой и провалившимся в пятки сердцем, наблюдала за тем, как Толя поворачивает голову, отыскивая взглядом того, кто привлёк внимание Анжелики.

Это была короткая секунда, будто весь мир в пропасть провалился. Они встретились взглядами, Саша заметила, как сузились глаза Ефимова, и даже побоялась представить то, о чём он подумал в этот момент. По его лицу прочитать было ничего нельзя. Ей даже в голову пришло, что забыл, не узнал, понятия не имеет, кто она. Но затем его губы раздвинулись в улыбке, добродушной и приветливой... И ей захотелось умереть. Сейчас он поднимется ей навстречу, и как ни в чём не бывало скажет:

– Привет, малыш.

Конечно же, он её не забыл. Как можно? Но, судя по его улыбке и взгляду, из его памяти напрочь стёрлись воспоминания

нения об их последней встрече.

Слава Богу, все начали рассаживаться за столом, и подниматься ей навстречу Ефимов не стал. Его отвлекли, заняли его внимание, и Саша невероятно этому обрадовалась. Рухнула на стул, на который ей Алёна указала, и надеялась лишь на то, что её перекошенную улыбку спишут на волнение от встречи с прошлым. Она молчала, не участвовала в разговоре, даже смеяться не могла. Алёна без конца её дёргала за руку, что-то подкладывала ей на тарелку, а Саше понадобилось минут двадцать и бокал вина, чтобы хоть немного придти в себя. Эти двадцать минут она даже не смотрела в сторону Ефимова. Краем глаза замечала голубой цвет платья сестры, но и на это старалась не реагировать. Нужно было забыть, отвлечься, хоть ненадолго.

– Что с тобой? – Алёна наклонилась к её уху и зашептала, страшно громко.

Саша плечом дёрнула.

– Я смущена, – соврала она, в надежде хоть как-то объяснить своё заторможенное состояние.

– Чем?

– Тем, что меня все узнали. Я шла сюда и думала: войду, а мне скажут – девушка, вы кто?

Каравайцева захихикала, окинула быстрым взглядом собравшихся.

– А здорово всё получилось, да? Я думала, многие отказываться начнут. Но всем захотелось праздника.

– Ага, – рассеянно отозвалась Саша, и наконец осмелилась покоситься в сторону Ефимова. В его конце стола шла оживлённая беседа, и слышался смех. И, без сомнения, виновником хорошего настроения рядом собравшихся, был Толя. Саша перевела взгляд на сестру, заметила, как та внимательно наблюдает за бывшим ухажёром. Молчит, что удивительно, пьёт вино мелкими глотками, и за Толей наблюдает. Как кобра, честное слово.

– Это будет весело, – проговорила Алёна со смешком.

Саша отвлеклась от своих мыслей и на подругу посмотрела.

– Что?

– Лица и Ефимов. Она на него так смотрит, будто проглотить хочет.

Саша осторожно выдохнула. Подумала и сказала:

– Слава Богу, я в этом больше не участвую.

– Как же, – хмыкнула прозорливая Каравайцева.

Саша же глянула на неё с претензией и гневным шёпотом поинтересовалась (три дня сдерживалась!):

– Откуда он вообще, взялся?

Стариков потянулся через неё за бутылкой водки, услышал её вопрос и с любопытством поинтересовался:

– Кто?

Саша собиралась его одёрнуть, чтобы не подслушивал, но опоздала, Алёна уже ответила:

– Ефимов.

— А, Толян, — с ухмылкой протянул Миша, в полный голос, едва не заставив Сашу от ужаса зажмуриться. Все на них, конечно же, смотрели, утолив первый голод и готовые поддержать любой разговор. А уж тем более посплетничать. — Я с ним поговорил уже. Приехал из нас, честных горожан, бабки вышибать. — И громко добавил, чтобы до другого края стола долетело: — Да, Толян?

Ефимов от разговора отвлёкся, глянул на них, и Старикову кивнул.

— Чего ты там про меня небылицы сочиняешь?

От звуков его голоса, такой знакомой насмешливой интонации, у Саши мороз по коже пошёл. Она схватила бокал с вином, испугавшись, что кто-то остановит на ней свой взгляд, да ещё и вопрос какой-нибудь вздумает задать.

А Мишка тем временем усмехнулся.

— Какие небылицы? Вон девчонки интересуются, откуда это к нам такого красивого дядечку занесло. — За столом слышались смешки. — Мы уж тебя со счетов давно списали.

— Рано списали. Я ещё «ух».

— Ух, — радостно повторила за ним Каравайцева и даже на стуле подпрыгнула. — Давайте выпьем за «ух». Только не за ефимовский «ух», а за всеобщий. За мой в частности.

— Саша, а у тебя как жизнь? — спросили у неё.

Пришлось сделать глубокий вдох, чтобы улыбка получилась воодушевлённой. Кивнула.

— Всё хорошо.

– Семья, дети?

Саша снова кивнула, не желая вдаваться в подробности.

– С ума сойти, – поразился некогда староста группы, – даже у нашей Сани уже семья, дети... Жизнь охрененно летит.

– Да ты чё, знаешь, какой у неё Митька? Такой мужик растёт! – Стариков от удовольствия даже рассмеялся. – Я его себе уже в зятя забил. Пристрою свою принцессу, и горя знать не буду.

Саша рассмеялась, потом под руку Старикова подлезла, чтобы салата ему на тарелку подложить. И даже приказала ему:

– Ешь. Я Марине обещала, что ты трезвый придёшь.

– С ума сошла? Я первый раз за три года без жены гуляю.

Саша снова рассмеялась, а потом машинально голову повернула, почувствовав чей-то настойчивый взгляд. И похолодела, когда поняла, что это Ефимов на неё смотрит через весь стол. Ест, но выглядит так, будто старательно прислушивается к дальнему разговору. Про её сына. Они снова на мгновение столкнулись взглядами, после чего Саша поторопилась отвернуться.

Разговоры за столом пошли о настоящем, кто где работает, чего добился, кто насколько удачно женился и так далее. Саша всё больше молчала, не желая вмешиваться, а уж тем более заострять внимание на своих успехах. Правда, кто-то вспомнил, что она училась на литфаке, но чем всё это для неё закончилось, узнать так и не получилось, за что Саша мыс-

ленно поблагодарила сестру, которая, кстати, терпеть не могла, когда внимание уделяют Саше. С самого детства так было. Стоило кому-то заинтересоваться Сашей, Лика тут же принималась переводить внимание на себя. Не из-за нелюбви к сестре, такой уж у неё характер был. Она обожала быть впереди. Вот и сейчас поторопилась из-за стола подняться, с намерением произнести тост. Саша смотрела на неё, такую красивую, такую яркую в своём невозможно-голубом платье, с непередаваемо милой и нежной улыбкой на губах и озорными огоньками во взгляде, и ей не нужно было смотреть на мужчин за столом, чтобы знать – все молчат и Лику слушают. И это будет продолжаться до тех пор, пока Лика этого хочет. Кстати, и красноречием сестру Бог не обделил, правда, Анжелика не считала это достоинством или подарком судьбы, свои способности она тратила исключительно на саму себя. И поэтому после окончания института, даже не подумала, не попробовала сделать карьеру, или попросту устроиться на работу. В то время у неё был Петечка, её главное достижение, который и должен был обеспечить ей и комфортную жизнь, и статус, и материальный достаток. Замужество Лика и называла своей карьерой. Которая полтора года назад рухнула. Но об этом она, конечно же, никому здесь не расскажет. Да и никому никогда не расскажет, кроме неё и своей матери.

– Запомни, Саша, только неудачники толкуют о своих промахах. Я никогда не была неудачницей.

Это Лика ей говорит время от времени. Лика всегда на коне, всегда в выигрыше, для неё быть матерью-одиночкой, самый большой жизненный промах. Это они тоже обсуждали не раз и всегда на грани скандала.

А вот сейчас Анжелика с проникновенной улыбкой говорила, как рада всех сегодня видеть, что бесконечно вспоминает студенческие годы и всех собравшихся, насколько ей жаль, что всё осталось в прошлом, но она ждёт и верит, что они будут так собираться, встречаться, ещё долгие годы. Получалось у неё гладко и многословно, и некоторые, наверняка, заподозрили, что она речь заранее заготовила, но Саша знала – это талант. Тот самый, который с годами не тускнеет. И сейчас она слушала сестру, смотрела на неё, и всё, что её интересовало – это сколько раз за время произнесения своего тоста, Лика кинет взгляд на Ефимова. От этого зависела степень её интереса. В конечном итоге, когда Анжелика попросту остановила свой взгляд на Толе, Саша отвернулась. Всё плохо. Всё очень плохо.

– Толян, так чем ты занимаешься? – спросил кто-то за столом чуть позже.

Саша поневоле на Ефимова посмотрела. Тот ел, ел со знакомым ей аппетитом, но это уже был не вечно голодный волчонок, что её дома ждёт, это был матёрый волк, и Саша вдруг поймала себя на мысли, что могла бы всю жизнь смотреть на то, как он ест.

А Ефимов, услышав вопрос, от себя тарелку чуть отодви-

нул, и усмехнулся. И ответил с неким вызовом:

– Торгаш я, Боря.

– Чем торгуешь? Водкой?

За столом снова засмеялись, а Толя вдруг кивнул.

– И такое было. И водкой торговал, и колбасой торговал, и даже детским питанием.

– А сейчас?

– А сейчас машинами.

– Я же говорю, – влез заметно захмелевший Стариков, – приехал бабки из нас выбивать.

– Да из тебя разве выбьешь чего, – хмыкнул Ефимов. А кому-то в сторону сказал: – Приехал место под пару автосалонов подобрать. В памяти-то всё хорошо нарисовал, а как приехал, так и обалдел. Ни пяди свободной земли по городу. – Окинул выразительным взглядом собравшихся: – Кто у нас тут в горадминистрации-то? Учтите, мне Каравайцева всех сдала.

Алёнка ахнула.

– Ах ты гад, я никого не сдавала!

– У меня есть знакомые, – порадовала его Лика. – Мой бывший муж каждый раз перед открытием супермаркета всю административную тусовку поил. – Она откровенно усмехнулась. – Так что, я всех знаю.

– Это хорошо, что ты всех знаешь, – протянул Толя, и в его голосе не намёк, а сплошной тягучий мёд прозвучал. Саша в этот момент взглядом за его лицо уцепилась, и все-

рьёз ожидала, что он облизнётся, глядя на Анжелику. Но нет, удержался.

Толкнула Старикова в бок.

– Миша, налей мне ещё вина.

– Да? – Он ухмыльнулся прямо ей в лицо. – А кто будет следить за моей трезвостью и нравственностью?

– За твоей нравственностью я точно следить не собираюсь.

Он вздохнул, получилось вполне пьяно. Потом голову к её уху склонил.

– Санька, такая тоска на душе.

– О Господи, – она не удержалась и толкнула его в плечо. – Я об этом ничего знать не хочу.

– А тебе хорошо?

– Офигенно, – пробормотала она чуть слышно, наблюдая за тем, как Ефимов с Ликой шепчутся, склонив друг к другу головы. На губах сестры играла лёгкая улыбка. Лёгкая, проникновенная и понимающая. Саша ненавидела, когда она так улыбалась. Особенно, Толе. Он всегда на это вёлся и всегда верил в её искренность. На чём, в итоге, и погорел. Пока Лика ему так улыбалась, планы строила на семейную жизнь с другим. А теперь конечно, все повзрослевшие, помудревшие и всем всё простившие.

Неужели только ей всё это противно?

Ещё пара тостов, и некоторые расслабились настолько, что захотели танцевать. Атмосфера на самом деле измени-

лась, люди перестали присматриваться друг к другу, скупо улыбаться, тщательно фильтруя вопросы и собственные ответы. Вспомнили прошлое, посмеялись, выпили на брудершафт и созрели для танцев. Грянул «Тополиный пух» в исполнении «Иванушек», и эта песня вызвала просто бурю восторга у присутствующих, например, у той же Алёнки. А Саша лишь улыбнулась ей, допила вино, а сама смотрела на причину всех своих... нет, не бед, а душевных метаний. Разве она может назвать своего сына бедой? Да у неё язык не повернётся.

А Толя по-прежнему разговаривал с её сестрой, сидел в расслабленной позе, рука на спинке её стула, посмеивался, слушая Лику, а смотрел на неё с явным удовольствием. Как там говорится? Она услаждала его взор. Вот именно это читалось на лице Ефимова в данный момент. И это опять же противно и здорово раздражало. Анжелика за весь вечер ей, Саше, ни одного слова не сказала, будто и не замечала её, а ведь Саша на этом вечере лишь по одной причине – Лика её сестра. Но та забыла об окружающих, она смотрела на Ефимова, и попросту ела его глазами, как он её когда-то.

– Анжелика хвост распустила, – озвучила её мысли Алёна, правда, в её голосе, недоставало разочарования и праведного гнева, которые могла бы себе позволить Саша. Но всё-таки не удержалась, ответила на замечание подруги.

– А дураков, Алёна, жизнь не учит. Она хвост распустила, как павлин, а он вновь ослепнет. И оглохнет.

– Мужики, – отмахнулась Каравайцева, но без злости, просто ради констатации факта. На стуле покрутилась. – Пойдём танцевать?

Саша через силу ей улыбнулась.

– Иди. Я посижу.

– Саш, ну чего ты?

Саша наклонилась к её уху и шепнула:

– У меня коленки трясутся, – призналась она. – Я опьянела.

Алёна схватила её за подбородок, заглянула в глаза.

– Мутненькая ты, да. Ладно, посиди. Компотика попей. А я с Новиковым потанцую. – Довольно улыбнулась. – Он на меня смотрит.

– А у кого фотоаппарат? Саня, ты с собой не взяла?

– Ты же всегда наши пьянки фотографировала. Компромат на всех собирала, – рассмеялся кто-то.

– Ну, и где теперь это компромат? Затерялось во времени.

Саша, всё это время удерживающая на губах улыбку, завила:

– Кое-что я сохранила.

– Самое обличающее и пошлое, да?

Саша таинственно улыбнулась, и вдруг снова натолкнулась на взгляд Ефимова. Даже не заметила, когда он оторвался от прекрасной Лики, и теперь её, Сашу, разглядывает. Правда, с насмешливой улыбкой. Голову на бок склонил, приглядывается к ней и улыбается. Саша вдруг ощутила

непреодолимое желание запустить в него пустым бокалом, что в руке держала. Но вместо этого из-за стола поднялась. Секунду помедлила, оценивая своё состояние, после чего решила:

– Надо воздухом подышать.

Обрадовалась, когда за ней никто не увязался. Прошла мимо танцующих, всё с той же приклеенной улыбкой, вышла из зала, и ненадолго замерла, ощутив прохладу и оставшись, наконец, одна. Прошла по коридорчику, продолжая прислушиваться к себе, к своим ощущениям и лёгкому гулу в голове. Ноги всё-таки были, как ватные, но это скорее от волнения и перенапряжения, чем от излишка выпитого.

– У вас всё хорошо? – спросила её официантка, что попалась ей встреч.

– Да. Захотелось воздухом подышать.

– У нас балкон крытый, – сообщили ей. – Там же можно и курить.

– Спасибо.

Саша прошла к дверям из затемнённого стекла, распахнула их и вышла на балкон. Там оказалось не так уж и холодно, даже фикусы росли и, судя по густой зелени, прекрасно себя чувствовали. Саша рукой до листвы дотронулась, но прошла мимо, к окнам. Сюда доходила музыка, и из банкетного зала, и из общего, но никто из посетителей сюда пока не добрался. Правда, в одиночестве она пробыла недолго. Хлопнула дверь, Саша обернулась и увидела Ефимова. Он помедлил

у дверей, но совсем не из-за того, что её увидел и с шага сбился (с чего бы, правда?), он сигарету прикуривал. Щёлкнул зажигалкой, его лицо озарил всполох пламени, а Саша нервно сглотнула. И не зря. Когда Толя глаза на неё поднял, посмотрел по-особенному. И сказал:

– Привет, малыш.

– Привет, – негромко отозвалась она. – Только я уже не малыш.

Он улыбнулся, очень знакомо.

– Малыш вырос?

Ему невдомёк было, что то, что он говорит, уже давно написано и даже снято. Сцена из фильма «Зимняя вишня», который Саша наизусть знала, именно из-за пресловутого «малыш».

– Повзрослел, – поправила она его.

– Повзрослел, – повторил за ней Толя, будто пробуя это слово на вкус. Окинул её взглядом. – Красивая, взрослая, уверенная в себе Саня.

Она сделала вид, что удивлена его словами.

– Я произвожу такое впечатление?

Поймала себя на том, что избегает его взгляда. Краем глаза улавливает его передвижения, как он дым рукой разгоняет, а Саша смотрит в сторону и задыхается. Но совсем не от дыма, а от его близости.

– Как ты живёшь? – спросил Ефимов.

– Лучше всех. По мне же видно.

Он хмыкнул. Стоял рядом, плечом почти касаясь её плеча, и на Сашу со стороны поглядывал. Взгляд скользил по её волосам, щеке, аккуратному ушку со скромной серёжкой. Снова поднялся к тёмным волосам. Никаких тебе легкомысленных хвостиков, всё по-взрослому, с завитками и хитроумной заколкой. Помнится, когда-то Саша смеялась над всем этим, а сейчас повзрослела. Слово-то какое дурацкое.

– Тогда я тебе завидую, – сказал он. – Круто жить лучше всех.

Саша незаметно сцепила руки за спиной, привалилась спиной к стене, потому что ноги по-прежнему отказывались держать.

– А у тебя что-то не так? Не верится.

– Почему?

– Хорошо выглядишь. Совсем не изменился.

Ефимов даже рассмеялся.

– Серьёзно?

Саша кинула на него якобы оценивающий взгляд, вот насколько осмелела.

– В плечах шире стал, – сказала она, в конце концов.

Он дым в сторону выпустил, кивнул со значением.

– Хоть что-то.

Саша помолчала, затем решила кое-что прояснить.

– Ты надолго приехал?

– Понятия не имею, если честно. Не думал, что такие проблемы возникнут.

– Какие проблемы?

– Со строительством.

– А-а.

– А ты где? В школе литературу преподаёшь?

Он повернулся к ней и снова принялся разглядывать с любопытством. Саше же очень неловко стало.

– Нет. Как-то не сложилось. С литературой, в смысле.

– У тебя ребёнок, да? Я слышал.

Кашлянула.

– Да, сын.

Ефимов вздохнул. Уж слишком выразительно.

– Ну и правильно. К чёрту эту работу, дети важнее.

Саша зажмурилась на секунду.

– А ты... жена, дети?

– Детей нет. А жена... вроде как была, но до загса так и не дошло. Может, и к лучшему.

Саше в его голосе послышался намёк на мечтательность, и она мрачно усмехнулась.

– Может быть, – проговорила она, глядя в пол.

Они помолчали, Саша призадумалась, и не поняла, что Толя снова её разглядывает. А он вдруг заметил:

– Что-то малыш какой-то грустный.

Она голову повернула, и они столкнулись взглядами.

– Я не малыш, – повторила она.

Он оценил её тон, осторожно усмехнулся. Проговорил:

– Всё очень серьёзно.

– Ты на самом деле не изменился, Толя. По-прежнему считаешь, что можешь на «малыша» любую развести?

Такого выпада он от неё не ожидал, точно. Заметно было, как удивился. Задержал взгляд на её лице, и взгляд этот был поистине оценивающим. А потом он позвал, как когда-то:

– Саня.

Она сделала резкий вдох, от стены оттолкнулась и торопливо оправила платье.

– Пойду в зал.

– Я никого никогда на «малыша» не разводил.

Она не удержалась и усмехнулась.

– Оказывается, это только для меня. Честь, – пробормотала она себе под нос в нешуточном возмущении. Не сбавила шаг, не обернулась больше на него, направилась к двери, и почему-то совсем не удивилась, оказавшись нос к носу с Ликой. Та заглянула на балкон, увидела Ефимова и изобразила недовольство пополам с расстройством.

– Толя, я тебя везде ищу.

– Сейчас докурю и приду, – отозвался тот.

Саша замялась перед сестрой, не зная, как проскользнуть мимо неё. А Лика соизволила обратить на неё своё внимание, и даже к себе притянула, как в детстве.

– Я даже не поздоровалась с тобой сегодня, – сказала она, каясь. Обняла, а так как Анжелика сегодня была при полном параде, то есть, на двенадцатисантиметровых шпильках, Саша уткнулась ей носом куда-то в шею, даже до подбородка

не дотянувшись. Снова почувствовала себя девчонкой рядом с взрослой и красивой Ликой...

Сестра её обняла, и Саша решила ответить ей тем же, обняла и даже по плечу похлопала, вполне по-дружески, кстати. Сказала:

– И тебе «здравствуй», Лика.

Знала, что в её голосе прозвучал неприкрытый сарказм, но степень его оценить до конца не смогла. Она не осознала, а вот Анжелика взглянула с настороженностью и непониманием. Но Саша не стала ничего объяснять, а уж тем более не хотела оправдываться или притворно улыбаться. Протиснулась мимо сестры и поспешила вернуться в зал. Даже не понимала до конца – то ли она злится, то ли до такой степени расстроена.

Что за глупый разговор у них с Ефимовым произошёл?

Будто чужой человек, словно она не знала его много лет. Ведь всё буквально про него знала. Когда-то. Словно не любила, словно не страдала и не ждала, что вернётся. А встретились, и вроде сказать нечего. Если только вывалить на него ворох своих претензий, схватить за грудки и... Саша не знала, что с Толей сделать дальше можно, в этом и заключалась проблема. Сегодня стало понятно, что она по-прежнему безумно волнуется в его присутствии, нервничает и теряет разум. А она уже не в том возрасте и не в том положении, чтобы из-за мужчины разум и чувство реальности терять. Тем более из-за Ефимова. Ему нельзя верить и дове-

рять ему такую ценную вещь, как будущее сына. Сегодня она этому подтверждение нашла. Поэтому и не знает, как поступить с собственным волнением и чувствами. Осторожность подсказывает держаться от Ефимова подальше, а вот сердце... сердце колотится с частотой пятьсот ударов в минуту.

– Что с тобой? У тебя щёки прямо горят. – Алёна поймала её у дверей и заглянула в глаза. И практически трезвым голосом спросила: – Что случилось?

– Сама не знаю, – соврала Саша и схватила подругу за руку. Попыталась изобразить бодрую улыбку. – Хороший вечер получился.

Каравайцева просияла.

– Правда? Я тоже так думаю.

– Саня, потанцуй со мной. – Её увлекли в сторону танцующих, обняли достаточно решительно, а Саша всё продолжала улыбаться. Будто проклятье на неё наслали. – Сань, а ты помнишь Новый год на третьем курсе?

Она всё помнила, кивала, поддакивала, но полноценно поддержать беседу никак не получалось. Правда, её подвыпивший кавалер этого не замечал, пересказывал ей и без того известные Саше истории, и сам же смеялся над этими воспоминаниями. А Саша поддакивала и украдкой наблюдала за Ефимовым и Ликой, как они танцуют совсем рядом, обнявшись и перешёптываясь, словно их не разделяет девять прошедших лет. Смотрят друг другу в глаза, улыбаются и медленно двигаются под музыку. Всё, как в Новый год

на втором курсе, на третьем, на каждом сабантуе и студенческой встрече. Или почти на каждой, когда эти двое были не в ссоре. Ничего не меняется.

И это бесит.

Но надо сказать, Ефимов весь вечер кидал на неё задумчивые взгляды. Саша их чувствовала, но старалась игнорировать. Изображала веселье, довольство, делала вид, что пьёт и радуется этому вечеру. И никто не понимал и не замечал, что она едва дождалась окончания вечера, что с нетерпением ждала такси, поддерживая под локоть шатающегося от выпитого Старикова. Алёнка, в отличие от неё, искрилась неподдельной радостью и весельем, со всеми расцеловалась, прощаясь, и её не брал морозец, Каравайцева щеголяла в распахнутом пальто.

– Встречаемся через год, все слышали?! И только пусть кто-то попробует не придти!

Лица сама к Саше подошла, пихнула Старикова, когда тот к ней целоваться полез, и к сестре наклонилась.

– Пока. Позвони мне завтра, – зачем-то попросила она. Саша поняла это так, что Анжелике потребуется обсудить сегодняшний вечер, а, возможно, не только обсудить, но и похвастаться. Вот только будет ли это считаться полноценной победой? Подобрать когда-то надкушенный плод.

Саша отвечать ей не стала, и обещать ничего не стала. Натянуто улыбнулась, и поспешила помочь Алёне усадить пьяного Мишку, в подъехавшее, наконец, такси. Сама села

на заднее сидение, но тут же обернулась, не утерпела, посмотрела в заднее стекло. И смогла понаблюдать, как Толя с Ликой прощаются с теми, кто ещё не успел разъехаться, а затем вместе садятся в такси, оба на заднее сидение. В этот момент Саше острее всего за этот вечер захотелось закричать. Зло и отчаянно.

Но она, конечно же, сдержалась.

Оказавшись дома, Саша даже порадовалась, что Митя остался ночевать у тёти Вали. Переступив порог собственной квартиры, вдруг почувствовала такую невероятную усталость, что не сразу собралась с силами, чтобы переодеться. Скинула в прихожей туфли, сняла пальто, прошла в комнату и кулем повалилась на разобранный заранее диван. В темноте, тишине, лежала на постели, таращилась в эту самую темноту, и думала... Думала о том, как ей теперь со всем этим жить. Как перебороть себя, как дальше общаться с сестрой, приходить к ней в дом, улыбаться, и всё это при условии, что Ефимов никуда не исчезнет. Вдруг он, на самом деле, останется? Останется с Ликой? Чувства вспыхнут с новой силой, с такой силой, что эти двое... что-то там создадут? В смысле, семью, ячейку общества, поженятся и родят ребёнка? А ей что делать, в гости к ним ходить, на семейные праздники, и улыбаться? Это было бы верхом лицемерия с её стороны, и несправедливости со стороны судьбы.

Её выдержки на это точно не хватит. Раз несколько часов наблюдения за ними выбили её из колеи настолько... что теперь вот лежит в тишине, в темноте, и изводит себя мыслями о страшном будущем, и только по одной причине: чтобы не думать о том, что происходит сейчас. Толя поехал провожать Лику. Всё как раньше. Она идёт домой одна, а он про-

вожает Лику. Провожает с продолжением. Она ведь в этом не сомневается?

Никто не сомневается.

Ефимов всегда млел при виде Анжелики. Это знали все, помнили все, и поначалу столь явное обожание людей смешило, но даже это Ефимов пережил, как-то незаметно для себя, без всяких смущений и ни единого комплекса себе не нажил. Хотя, что говорить о комплексах? Толя Ефимов даже слова такого в отношении себя не допускал. И эта черта в нём Сашу подкупала. Она не была смелой, она не была уверенной в себе, и даже красивой, как сестра, не была. С раннего детства жила с бабушкой, женщиной не строгой, но старомодной. Поэтому Саша об очень многих вещах, свойственных её сверстницам, узнавала от двоюродной сестры. Как одеваться, как краситься, какую музыку слушать и как с мальчиками разговаривать. Некоторые советы, особенно, по поводу мальчиков, Саше не пригодились, да если задуматься, то и вообще в жизни, даже взрослой жизни, не пригодились ни разу. Но сестру она любила, наверное, поэтому позволяла порой собой покрутить и повертеть, в угоду Ликиным интересам. Понимала, что более старшей сестре, с ней, малявкой, не так уж интересно, но Анжелика свой характер сдерживала, родственные чувства в ней воспитывали с детства, и пренебрегать ими даже она опасалась. Родители её любили, она была единственной дочкой, умницей-красавицей, но что такое родительское воспитание забыть не дава-

ли. Да и воспитывали их с Сашей практически, как родных, особых различий не делая. Да, она жила отдельно, с бабушкой, но могла в любую минуту придти в дом тётки и остаться. На день, два, неделю...

Но за Анжеликой не поспевала. Не тот у Саши был характер, не хватало ей задора и огня, что с детства присутствовали в сестре. И поэтому она ей не завидовала, никогда. Что толку завидовать, если она даже не хотела того, что Лика? Не хотела бегать по шумным компаниям, не хотела гулять с подружками по магазинам, просто ради «посмотреть», ей не интересны были глянцевого журналы и сплетни про звёздных мальчиков, что печатали в них. Саша лишь любовалась сестрой, как и все, и с улыбкой прощала ей какие-то милые глупости, что она творила. Даже не обижалась на Лику никогда. Во-первых, та и поводов для этого не давала, считая Сашу маленькой, а оттого практически безобидной. Отдавала той свои наряды, которые становились ей малы, надоели или вышли из моды; учила уму-разуму, как самой Анжелике казалось, утверждая, что вместо книжки или телевизора, нужно заводить друзей и учиться общаться. Конечно, это было правильно. Но как-то вышло так, что своих друзей у Саши так и не появилось. Она слишком много времени проводила с Ликой, в компании её друзей, и ровесники как-то перестали её привлекать. Она ни с кем не находила общего языка. Разница в четыре года в юности довольно значительна, разрыв кажется огромным, и интересы семиклассников и один-

надцатиклассников разительно отличаются. Одних интересовали анкеты про мальчиков, первые влюблённости и осторожные поцелуи, а других клубы, закрытые тусовки и секс. До секса Саше в тринадцать-четырнадцать лет дела не было, а вот на эти самые тусовки Лика потаскала её вдоволь. Анжелика была девочкой смелой, но недоступной. Сколько её ухажёров Саша знала и до сих пор помнила, не перечесть. Одни появлялись и исчезали, другие задерживались в жизни сестры и даже с родителями знакомились. Помнится, дядя Игорь лишь головой качал, но всё равно с улыбкой. Глядя в сияющее скромностью лицо дочери, он неизменно верил всему, что та говорила. А Саша укрادкой смеялась, наблюдая за этим. Она была ещё слишком мала, чтобы всерьёз задумываться о происходящем, и зачастую «знакомства с родителями» переживала, сидя в кресле с большим яблоком, наблюдая за происходящим и тихонько посмеиваясь над неловкостью, что испытывал приведённый в дом молодой человек. Жених. Но иногда всё-таки представляла, как она однажды приведёт своего любимого человека в дом к дяде и тёте, и те будут такие же торжественные, важные и серьёзные, а в доме будет вкусно пахнуть пирогами и вишнёвой наливкой. Эта картина, наверное, всю жизнь будет стоять у неё перед глазами. Это образ чего-то правильного и важного, что так и не случилось в её жизни. За это было обидно, но опять же эта обида не затрагивала её отношений с Ликой. Никто не виноват, что Саша влюбилась не в того.

А началось всё с радости от поступления Лики в институт. Никто, конечно же, не вспомнил о том, что поступила она на платный, вариант с бюджетным отделением даже не рассматривался. Как бы тётя Валя и дядя Игорь дочку не любили, но к её интеллектуальным способностям относились трезво. Поэтому заранее готовились. Деньги копили. Тётя Валя как-то и Саше постаралась намекнуть, что к её поступлению они тоже готовятся, благо четыре года впереди, но Саше уже тогда стало неприятно, и она пообещала себе, что поступит сама. К тому же, ни в какой институт бизнеса она не собиралась, знала, что из неё не то что бизнесмена или финансиста, даже бухгалтера не получится, и к пятнадцати годам решила следовать зову души, и поступить на литературный факультет в местный педагогический институт. Станет ли она педагогом – вопрос, но желание писать, как проснулось в ранней юности, так и не покидало. Понимала, что пишет она, в силу молодости и незрелости, всякие девчачьи глупости, но просто отмахнуться от этого не получалось. Вот и подумала, почему бы любовь к чтению и желание писать, не превратить в профессию, в дело жизни? Как казалось самой Саше, она сделала правильный выбор. Хотя, тётя с дядей и отнеслись к нему весьма скептически. У них представления о хорошей и прибыльной профессии были несколько другими. Но, в конце концов, они отвлеклись на Лику, сосредоточились на её поступлении, экзаменах, подготовке к этим самым экзаменам, и Сашу оставили

в покое. Она даже этому порадовалась. А ещё гадала, что же будет, когда Анжелика станет студенткой. Сама Лика этого момента тоже ждала с нетерпением, была переполнена ожиданиями и мечтами. Рассказывала Саше о студенческой жизни и о том, что все глупые школьные посиделки наконец-то останутся в прошлом. В институте много взрослых, самостоятельных молодых людей.

– И перестань усмехаться, – прикрикнула она на Сашу, когда поймала на том, что та улыбалась, загорюившись тяжёлой книжкой. – Я всё вижу. – Лика вздохнула, присела перед зеркалом и покрутила в руках блестящую заклочку. – В институте всё будет по-другому.

– Ты точно хочешь заниматься менеджментом?

– А почему нет? – удивилась Лика. – Егор – помнишь его? – уже год отучился, правда, в Нижнем Новгороде, и он говорит, что это очень перспективно.

Слышать из уст сестры «перспективно» касавшись учёбы, было странно. Раньше Саша слышала это всего раз или два, и всё это относилось к её кавалерам, а не к учебникам. А тут Анжелика своим будущим озаботилась. Интересно, надолго ли её хватит?

Лика тем временем нацепила на нос отцовские очки и приняла гордую позу, напустив в глаза серьёзности. Надменно взглянула на Сашу.

– Я стану крутой бизнес-вумен. Как думаешь, мне пойдёт?

Саша выглянула из-за книжки, оценила Ликин маскарад

и снова рассмеялась.

– Супер.

Очки Анжелика сняла и деловито поинтересовалась:

– Ты сможешь мне написать эссе? Нужно в качестве собеседования. А я даже не знаю, что это за слово.

Четырнадцатилетняя Саша, вспомнив о своих пятёрках по русскому и литературе, тут же кивнула.

– Напишем, не переживай.

– Я и не переживаю. – Лица поднялась, подошла к дивану и подёргала Сашу за тёмный хвостик, перехваченный цветастой резинкой. Потом книгу отобрала. – Хватит уже читать, ты меня раздражаешь. Пойдём лучше, погуляем. – И дёрнула сестру за руку, заставляя подняться.

Тётя Валя поймала их в прихожей. Из кухни выглянула и взглянула со всей строгостью.

– Куда опять засобирались?

– Мы к Машке, мама. Спрошу, что у неё с институтом.

– А утром ты не спросила?

– Забыла. Мы просто посидим у неё, правда. Скажи, Сань.

Саша повернулась к тёте, посмотрела на ту честными глазами, после чего развела руками. И тётя Валя улыбнулась.

– Идите. Но возвращайтесь не поздно. Лица, следи за Сашей

– Конечно, мамуль. – Они вышли из квартиры, Анжелика захлопнула дверь и красноречиво глянула на младшую сестру. Саша же осуждающе качнула головой, после того, как Ли-

ка рассмеялась. А та ещё и предупредила: – Я за тобой слежу.

Конечно, Лика за ней не следила. Зачастую она попросту забывала о младшей сестре, занятая своими делами и сосредоточившись на собственных интересах. У Лики на уме были мальчики, дела сердечные, заботило, когда ей купят новое платье или туфли, и Саша совершенно не представляла, как сестра будет учиться в институте, да ещё на факультете, непосредственно связанном с бизнесом и финансами. Лика умела только тратить деньги, а как они зарабатываются, представления не имела. Хотя, как говорил дядя Игорь, этому её как раз и научат. Саша всегда знала, что это мечты, но вслух об этом не говорила. Всё-таки сестре она желала всего самого лучшего. Встретить порядочного, удачливого финансиста и счастливо выйти за него замуж.

А потом в их жизни, в их общую, спокойную жизнь ворвался Толя Ефимов. Как угар, как затмение, и затмил он в первую очередь Лику. Да, да, когда-то она была не на шутку влюблена в него. Но Саша помнила, что это продлилось недолго. Первые месяцы учёбы в институте, когда Анжелика, как никогда, казалась занятой и повзрослевшей. Эти перемены свалились на их семью, и все в первый момент растерялись. Вроде, готовились к поступлению дочери целых два года, ждали с нетерпением результатов, радовались и праздновали, получив положительный результат, и отметили первым делом нужными покупками и пополнением Ликиного гардероба, соответствующего, по её мнению, студент-

ке, а не школьнице. И в первые месяцы Анжелика на самом деле потерялась в студенческой жизни, её закружило, одурманило ароматом взрослой жизни и предстоящей самостоятельности и свободы. Саша даже реже сестру видеть стала, и несколько раз поймала себя на том, что скучает. А Лика убегала по утрам на пары, вся такая деловая и занятая, а вечером появлялась с загадочной улыбкой на губах и молчала настолько таинственно, что Саше не терпелось узнать. Не терпелось узнать, кто он. Она же знала Лику лучше всех, столько раз видела её влюблённой, что определяла это её состояние безошибочно. И с начала учебного года было понятно – Лика влюбилась. И когда Саша осмелилась спросить её напрямую, скрывать не стала. Расцвела в улыбке, и сказала: – Ты с ума сойдёшь, когда его увидишь.

Тогда Саша ей не поверила. С какой стати ей было сходиться с ума по какому-то парню? И, вообще, все парни казались глупыми, заносчивыми и хотели чего-то, что Саше, судя по наблюдениям, абсолютно не нравилось. Они распускали руки, лезли целоваться и говорили ерунду. От которой, правда, многие девчонки млели и по-дурацки хихикали. Саша всё это наблюдала уже пару лет, и абсолютно не понимала, что все окружающие находят в этом привлекательного. Да и сами разговоры о сексе не то чтобы смущали, но вызывали чувство отторжения. Саше к её пятнадцати годам даже не нравился никто. В знакомых было полно парней Ликиного возраста, и симпатичных много было, и дерзких, и реши-

тельных, а не нравился никто. Хотя, сестра к своим пятнадцати годам влюбиться отчаянно и на всю жизнь успела раз три. И помня это, не понимала равнодушие Саши и ругала за книжки, что та без конца читала.

— Они испортят тебе жизнь, вот увидишь, — уверяла её Лика. — Жить надо сейчас, и не на диване с яблоком. — А когда Саше исполнилось шестнадцать, стала без конца повторять: — Найди себе парня. Если не хочешь остаться старой девой.

Саша лишь смеялась, слыша подобные предостережения. Бояться остаться в старых девах, когда тебе шестнадцать, казалось странным. Да и найти себе парня по щелчку пальцев, пусть и таких красивых, как у Анжелики, ухоженных и с золотыми перстенёчками, никак не получалось. Наверное потому, что банально не хватало желания и мотивации. А когда Лика познакомила её с Толей, и вовсе показалось странным искать кого-то, кто хоть в чём-то его превосходит.

Нет, Саша не влюбилась в него с первого взгляда. Это, наверное, было бы предательством, потому что об этой самой любви, как выстрел, рассказывала и пересказывала ей сестра. Молодой, красивый, с непослушными кудрями и с разжигающим огонь в любом человеке, задорным взглядом, Ефимов, не мог не впечатлить. Как говорила Лика, это были первые её взрослые отношения. Взрослостью и не пахло, понимание этого пришло ко всем, но куда позже, но на первом курсе, Лика и Толя были самой красивой и броской парой.

По крайней мере, среди первокурсников. Они смотрели друг на друга влюблёнными глазами, держались за руки и без конца целовались. Даже Саше казалось это странным, настолько влюблённой она сестру ещё не видела. Немного освоившись в новой компании и ощутив серьёзную потребность вновь исчезать из дома, Лика снова начала таскать её за собой всюду. Оказаться среди студентов, пусть и недавних, было интересно, поэтому Саша не спорила и поддакивала Лике, когда та отпрашивалась у родителей за них обеих. А потом наблюдала... Смущённо улыбалась, когда её приветствовали, когда её щекотали и тискали, как щенка, отпихивала особо нахальных и даже подраться могла, когда считала необходимым. В конце концов, заполучила в своё распоряжение фотоаппарат старосты группы, и занялась делом, фотографируя посиделки, застолья, а порой и откровенные пьянки жадных до жизни студентов. Иногда её пытались подпоить, ради шуток, за что получали по шее уже от Лики. За младшую сестрёнку она заступалась, и злить её было опасно.

– Не смей портить ребёнка, – повышала она голос и ударяла аккуратным кулачком по столу. – Мне потом её родителям с рук на руки передавать.

Она гневалась, стучала кулаками, топала ножкой, а Толя смотрел на неё восторженными глазами и смеялся. Смеялся с особым удовольствием, с осознанием того, что всё это принадлежит ему.

Саша долго этого не понимала. Воспринимала, как оче-

редной роман Лики, пусть и взрослый, как та это называла, но это по-прежнему были лишь поцелуи, объятия и страстный шёпот двоих в полутёмном углу, в стороне от посторонних глаз. Ничего, что отличало бы Толю Ефимова от предыдущих поклонников Анжелики. Он встречал её у института по утрам, провожал до дома вечерами, и они долго целовались перед подъездом, Саша иногда подглядывала за ними в окно. Подглядывала, ощущая тяжесть в душе, но ещё не отдавая себе отчёта в своих чувствах. Ефимов даже не замечал её, так, по крайней мере, казалось. Улыбнётся, подмигнёт при встрече, и тут же отвернётся к Лике. А со временем она стала малышом.

– Привет, малыш.

– Как дела, малыш?

– Что-то ты грустная, малыш. Двойку получила?

Саша улыбалась ему, и удивлялась, откуда в её душе рождается раздражение. Иногда они с Толей оказывались с глазу на глаз, он говорил с ней, вопросы задавал, в основном, о школе. Наверное, не знал, о чём ещё с ней поговорить можно.

Страсть Анжелики (Саше нравилось иногда так думать, звучало, как в романах – «страсть Анжелики») прошла через полгода. И заметила эту перемену в первую очередь опять же Саша. Лика всё чаще впадала в недовольство, в раздражение, без конца жаловалась, но суть её жалоб была не в том, что Толя ей надоел или разочаровал. Всё чаще заходили разго-

воры о том, что ждать от Ефима, в сущности, нечего.

– Он даже цветов мне никогда не подарит, – высказалась как-то Лика. – Считает, что он сам по себе подарок.

Анжелика возмущённо усмехнулась, отвернулась к зеркалу и принялась расчёсывать длинные волосы. Саша, которая делала уроки за письменным столом сестры, обернулась на ту через плечо, но молчала. Раздумывала.

– Лика, ты же знаешь, что у него нет денег, цветами тебя задаривать, – осторожно напомнила она в конце концов.

Лика кивнула, куда решительнее, чем было необходимо.

– Знаю. Но мне-то что делать?

По мнению Саши, делать с этим особо ничего и не надо было. Они сами никогда не жили в достатке, но Лика об этом старалась не задумываться. Она всегда мечтала о чём-то большем. О красивой, обеспеченной жизни, которую, как выяснилось, Толя Ефимов, при всех его других достоинствах, обеспечить ей не мог. Толя был из неполной семьи, жил с матерью в двухкомнатной «хрущёвке» в спальном районе, кстати, как и сама Лика, но той с некоторых пор это стало казаться существенным недостатком. Он учился, и в отличие от Лики, учился серьёзно, зубрил и тщательно сдавал все предметы. Но замечала это, кажется, только Саша. Для всех остальных Толя был заводилой и своим в доску парнем, который никогда не откажется повеселиться. И Лика его видела именно таким, будто через вязкую пелену на него смотрела. Саша только удивляться этому приходилось. Ли-

ка словно не задумывалась о том, что Толя ни разу не пересдавал ни одного предмета, тщательно вёл записи и конспекты, и даже пропусков, не смотря на все гулянки и тусовки, у него практически не было. Пока Лика спала по утрам, Ефимов на парах сидел. Именно это Сашу в нём изначально и привлекло, его скрытая, неброская, но целеустремлённость. Ефимов настойчиво добивался своего. И Саша понимала, что в ближайшие два года он даже работу себе вряд ли найдёт. И не потому что не хочет заработать и сделать подарок любимой девушке, да попросту цветы подарить, он себе позволить этого не может – либо учёба, либо работа. Вот и перебивается, поэтому живёт с матерью и на её деньги. И ему самому это противно. Это Саша уже от самого Толи узнала, и то случайно. Услышала как-то, как тот с матерью по телефону говорил, и морщился при этом, заговорив про деньги. На его лице в этот момент такое мученическое и озабоченное выражение появилось, что Саше его по-настоящему жалко стало. И только поторопилась взгляд отвести, когда Толя голову повернул, видимо, почувствовал, что за ним наблюдают. А как только в комнату вошла Анжелика, он трубку телефона положил и улыбнулся лихо и открыто. Чтобы у той и мысли о его трудностях и проблемах не возникло. Правильно, ни к чему такую красивую головку всякими мелкими неурядицами, такими, как денежные проблемы, забивать.

Но как Ефимов не старался, именно на этом они с Ли-

кой в итоге и споткнулись. На его финансовой несостоятельности. И Саша стала нечаянной свидетельницей одной из их ссор, и была поражена, как вмиг переменялся Толя. Он за минуту сначала потемнел лицом, потом побелел, губы поджал так, что Саше показалось, что у него лицо в камень превращается. И стало страшно. Настолько, что она бочком, молчком, из комнаты выскользнула и укрылась на кухне. Не думала, что Толя всерьёз переживает из-за этого, что такие мелочи, как деньги (по крайней мере, для неё это казалось сущей мелочью), могут настолько сильно его задевать. Толя казался неуязвимым, казался ей самым уверенным и решительным человеком на свете, но Лика сумела найти его слабую точку. Нашла и принялась на неё давить, давить, а как только довела Ефимова до белого каления, так испугалась и сбежала. То есть, бросила его. Выкрикнула ему это в лицо, конечно же, разревелась, куда без этого, а Толя вылетел из их квартиры и хлопнул дверью так, что дом вздрогнул. И вот тогда Саша и узнала, как умеет злиться улыбочивый и приятный во всех отношениях Ефимов, и как умеет изображать несчастную и обиженную Анжелика. Которая буквально минуту назад заходила в рыданиях, а как только дверь за бывшим возлюбленным захлопнулась, так и успокоилась. Сделала глубокий вдох, вытерла слёзы и отчаянно махнула рукой.

– Идиот, – вырвалось у неё. Посмотрела на Сашу, выглядывающую с кухни с обеспокоенным видом, и повторила уже

со злостью: — Идиот. И нечего на меня смотреть!

Именно тогда закончилась её любовь. Саша это знала, но молчала. Да и кому она могла рассказать? Ефимову? Он бы не стал её слушать. Саша присматривалась к нему, пыталась понять, что он на самом деле чувствовал по отношению к Лике. Ведь не мог ослепнуть и оглохнуть, Толя всё видел и понимал. И романы её сестры, с более перспективными и обеспеченными, его лишь раздраковывали. Нет, Толя не ждал Лику, и не жил одной лишь Ликой, у него были другие девушки. После их первого расставания он был оскорблён, уязвлён не на шутку, но показывать этого всем не стал. Он всё также веселился и шутил, он не казался сломленным, скорее разозлённым, а на Анжелику поглядывал с явным умыслом. Умыслом отыграться когда-нибудь. Но Саша не верила, что он всерьёз соберётся ей мстить. Да и вокруг было столько желающих Ефимова приласкать и вернуть к жизни. И он этим пользовался вовсю, не стесняясь и не особо задумываясь о морали. Да и кто из двадцатилетних парней, у которых гормоны главенствующую роль играют, о морали всерьёз задумывается. Толя с Ликой переборов обоюдную неловкость, продолжали общаться в одной компании, уступать никто не хотел, и лишь наблюдали за жизнью другого с заметным и даже понятным злорадством. Лика встречалась со старшекурсниками, ей дарили цветы и подарки, о чём она и мечтала ещё совсем недавно, её привозили домой на машинах, и целовали с пылом, ничем в этом Ефимову не усту-

пая. Может, и не уступали, но Толя – это Толя, его никто заменить и затмить не может. К тому времени Саша и сама это поняла. Ей исполнилось шестнадцать, и уже стало понятно, что не просто так она от него взгляда оторвать не может. В том возрасте она буквально им заболела. Даже как дышать правильно – спокойно и несбивчиво, забывала в его присутствии. Вот только она по-прежнему была малышом. Которого трепали по щеке при встрече, дёргали за неизменные хвостики, и подмигивали игриво, как котёнку дворовому. Толя даже обнять её мог, то за плечи, то за талию, и совершенно не замечал, что Саша вся сжимается в комок от волнения, при его прикосновении.

– Чем занимаешься, малыш? – спрашивал он время от времени. – Как в школе?

– Хорошо.

Толя понимающе улыбался, и на его щеках появлялись ямочки.

– Одни пятёрки?

– Нет. Ты меня переоцениваешь.

– Ну, конечно, – недоверчиво и с улыбкой говорил он.

А потом вдруг поднялся, наклонился к ней и поцеловал в нос. Как маленькую. Но Саша и от этого дыхание затаила.

Сегодня Толя был слегка навеселе, выходной день, они снова собрались на квартире однокурсника, у которого родители частенько уезжали в командировки, и их сын этим вовсю пользовался. Ефимов пересел на диван рядом с ней,

руку протянул и Сашу за плечи обнял. К тому моменту прошёл почти год, как они с Ликой расстались, он давно казался Саше успокоившимся, даже встречался с другой, с брюнеточкой Светой из параллельного потока, и поэтому она так удивилась, когда Толя вдруг спросил:

– Как сестра?

Саша, чувствующая себя ужасно неловко под его рукой и прямым взглядом, уставилась в его глаза, моргнула от неожиданности его вопроса.

– Лика? – Осторожно усмехнулась, не зная, куда глаза деть. – Толя, ты с ней встречаешься каждый день. Почти.

– Ну, встречаюсь. – Он сидел близко-близко, наверное, впервые так близко к ней, и смотрел прямо в глаза. Вдруг его взгляд забежал по её лицу, он словно присматривался, потом неожиданно нахмурился, и даже улыбнулся. Пьяной, но такой знакомой, добродушной улыбкой. – Санька, а ты взрослая совсем стала.

Саша глаза опустила, осторожно сдвинулась в сторонку, сходя с ума от безумного стука сердца, от накатившего вдруг жара и волнения от Толиной близости.

– Такой младенец был год назад, в глазах детство, а сейчас – посмотрите только.

– И куда ты смотришь?

Он моргнул, вдруг поймал себя на том, что смотрит, действительно, куда-то не туда, вернул взгляд к её лицу. Секунда, и улыбнулся, как ни в чём не бывало. Потом голову на-

клонил и ткнулся лбом в её лоб.

– Я пьяный, Сань.

Она смотрела на него, в его лицо, даже дыхание чувствовала, а Толя внезапно глаза открыл и отодвинулся. И совсем другим тоном, с нотками затаённого раздражения, повторил свой вопрос:

– Ну, так чего там?

– Ничего. – Саша тоже отвернулась, плечами пожала. – Встречается с этим Яриком.

– Ярик, – пренебрежительно проговорил он. – Что за имя идиотское?

– Ярослав, – проговорила Саша. В лицо Ефимова вгляделась. – Ты переживаешь?

Толя секунду молчал, потом резко выпрямился.

– Я? – выдал он с презрительным смешком. – Сань, да ты чего? Просто любопытно... – Он с дивана поднялся, снова по волосам её потрепал. – У меня времени нет переживать, малыш.

В комнату заглянула та самая Света, глянула с очевидным намёком.

– Толь, ты чего здесь?

– Иду, – отмахнулся он, а сам всё на Сашу смотрел с высоты своего роста.

Девушка упёрла руку в бок.

– Пойдёмте уже за стол. Саня, пойдём, Витька вина купил. Вкусное, сладкое.

А Толя обернулся на неё с изумлением.

– Сдурела? Спой мне ещё ребёнка.

Света фыркнула и ушла на кухню, а Саша, пользуясь случаем, Ефимова за руку потянула.

– Толя, ты мне с математикой поможешь? Перед поступлением?

– Конечно, помогу, Санёк. На сестрицу твою надежды нет всё равно. – Он странно развеселился. И глаза у него так сверкнули при этом, что Саша поневоле засмотрелась.

Но всё это было не для неё, это стало понятно совсем скоро. Пришла как-то к тётке, и оказалось, что не вовремя. Пока в прихожей раздевалась, из комнаты Анжелики Ефимов вышел. Встрёпанный, полуголый, только голову успел в ворот свитера сунуть, и так замер, увидев растерянную Сашу. Но быстро опомнился, ухмыльнулся и подмигнул ей.

– Привет, малыш.

Она моргнула, кивнула едва заметно, и привалилась к вешалке с одеждой, наблюдая, как Толя торопливо одевается. Во рту странная горечь, и понимала, что наверняка со стороны странной кажется, молчит растеряннo, да и выглядит пришибленной. Но справиться с собой никак не получалось. Совершенно непонятно, что она себе надумала за последние пару месяцев, в течение которых Толя помогал ей с математикой, как и обещал. Они встречались пару раз в неделю, в основном у него дома, и он терпеливо талдычил ей про теоремы и формулы, и за эти месяцы он ни разу – ни разу! –

не спросил у неё про Лику. И теперь Саша понимала почему.

– Сань, ты чего там замерла, – окликнула её сестра.

Саша с трудом сглотнула, голову повернула, на Анжелику посмотрела, и будто очнулась. Лика стояла в дверях своей комнаты, в лёгком халатике и смотрела на них обоих. А когда ей надоело, на Сашу и прикрикнула. Та ботинки с ног скинула и скрылась на кухне. И там уже замерла, впервые в жизни ощущая непреодолимое отчаяние. И боялась выглядеть в прихожую, и без того знала, что они там целуются.

– Ты что, к Толе вернулась? – спросила она Анжелику, когда смелости набралась.

Лика допила чай, улыбнулась.

– Я пока не решила. – Затем усмехнулась. – От Толи зависит.

– В каком смысле?

– Насколько он меня хочет. – Лика из-за стола поднялась, к сестре наклонилась и щёлкнула ту по носу. – Но тебе об этом ещё рано знать. Подрасти сначала.

Ефимов Анжелику хотел. Хотел сильно и самозабвенно. Но только для себя, и чтобы в полное своё владение. А Лика такого не терпела. То есть, с одной стороны она и не против была, но с другой, слишком много ждала в ответ. И того, что ей мог Толя Ефимов предложить, ей было мало. И Лика не стеснялась об этом говорить, и ему в том числе. А Саше оставалось лишь наблюдать за этим круговоротом ссор, примирений, обид. Сколько раз она хотела с Толей поговорить?

Занимались с ним, сидели за одним столом, он водил пальцем по записям в её тетради, наклонялся к ней, и вроде чего проще, когда он вот так рядом, сказать ему, что он ошибается насчёт Лики.

Проще... Ничего труднее нет. Посмотреть ему в глаза и сказать: Лика тебя не любит.

Она даже на сестру злиться стала, и это казалось предательством. Это же сестра, самый близкий человек, Саша с детства Лику обожала. Подражала ей, чему-то даже завидовала, как младшая сестра может завидовать старшей. По-доброму, по-хорошему. Пока всё не смешал Толя Ефимов. И из-за него Саша на сестру злилась. Потому что слишком много знала о её жизни, слишком много понимала, хоть и не хотела этого. Совсем не хотела. Но Лика не стеснялась рассуждать при ней о своих делах, о поклонниках и даже интересах, в том числе и меркантильных. И это было противно. Но как сказать это сестре? Легче было не вмешиваться, закрыть глаза, уши, и отвлечься от всего. Но рядом с Толей отвлечься не получалось. Смотрела на него и каждый раз начинала мучиться: от того, что смелости не хватало сказать, от того, что больно ему сделает, от того, что любит он Лику. Или кажется ему так, кто же знает, кроме самого Ефимова? Но он так на неё смотрел...

За все пять лет, что они были знакомы, Саша вдоволь насмотрелась. И на его девушек, и на его загулы, и на то, как он умеет учиться и упрямиться, в желании добиться своей це-

ли. А цели у Толи было две: диплом и Лика. Так, как на неё, он не на одну девушку не смотрел. Он буквально ел её всегда глазами. Даже когда общаться переставали, злились друг на друга, не разговаривали, его горящий взгляд везде Анжелику преследовал. И Саша доподлинно знала, что Лике это очень нравилось. Именно из-за такого явного ничем не прикрытого желания, она возвращалась и возвращалась к Ефимову. Любви не было, но страсть жила. Жила и не угасала.

И Саша сжимала кулаки, в бессилии наблюдая за их очередным танцем, объятием, поцелуем или даже переглядыванием. Каждый раз, как нож в сердце. А ей всё шестнадцать, ей всё семнадцать, она всё маленькая, малыш. И злые слёзы в глазах.

– Не знаю, о чём ты думаешь в последнее время, – выговаривала ей как-то тётка, – но тебе поступать в этом году, а ты не учишься.

– Учусь, – воспротивилась Саша, правда, довольно вяло. Сидела за столом, ковыряла вилкой в тарелке с макаронами, а сама прислушивалась к звукам музыки, из комнаты сестры.

– Видела я твой дневник. Три тройки, Саша!

– Знаю я, тётъ Валь. Я всё исправлю. Просто некогда мне было.

– Что некогда, учиться? И чем ты занималась?

– Да я учусь! Я просто... на математике сосредоточилась. У меня с ней проблемы, ты же знаешь. И мне нужно её подтянуть, вот и...

Тётя Валя повернулась к ней, посмотрела очень внимательно, Саша даже заёрзала под её взглядом. Глаза в тарелку опустила. А тётя Валя всё-таки спросила:

– И кто тебя подтягивает? И куда?

Саша рот открыла, но что сказать – не знала. В конце концов, решила возмутиться:

– Да ты что?! Тётя Валя, ну честно!.. – Выдохнула, не зная, что сказать, растерялась, смутилась от таких намёков. Щёки защипало, а тётка всё это видела да подмечала, прищурилась проницательно, и тогда Саша выдохнула, признаваясь: – Со мной Толя Ефимов занимается. Никакой не маньяк, а Толя.

– Толя?

– Ефимов? – Лика появилась в дверях кухни, услышала главное, и замерла, изумлённо глядя на младшую сестру. – Ты с Толей занимаешься? – со смешком проговорила: – Математикой?

Саше едва удалось выдержать взгляд Анжелики. Беззаботно пожала плечами.

– А что? Не на репетиторов же тратиться... А Толя всё отлично объясняет. Без его помощи я точно не сдам. – На тётку посмотрела: – Кстати, по математике у меня теперь одни четвёрки, а остальное я запросто исправлю.

Тётя Валя ничего больше не сказала, а вот Лика после поинтересовалась:

– И где же вы... учитесь?

Ответить нужно было спокойно и даже равнодушно. И она очень постаралась.

– У него дома. Где ещё?

Лица хмыкнула, Сашу разглядывала.

– Действительно. Где ещё?.. И что?

– Что? – Саша прикинулась удивлённой.

– Это ты мне расскажи. Чем вы ещё занимаетесь у него дома?

Саша перевернула страницу книги, ладонью её разгладил. Понимала, на что сестра намекает, но этого опять же нельзя было показать.

– А в чём ещё Толя разбирается хорошо? Если только в гулянках. А по этому предмету экзамены не сдают. Слава Богу.

Лица помолчала, обдумывала, после чего скупой улыбнулась.

– Это точно. – Отвернулась, кажется, решив, что Саша совсем дурочка, и совершенно не задумывается о том, на что ей сестра намекает. Саша дурочкой не была, вот только ошибалась Лица в одном – у Толи ничего предосудительного и в голове не было. У него личная жизнь ключом била, ему некогда было отвлекаться на малявок. Правда, говорить такое, было несправедливо. Толя всегда относился к Саше с интересом, по-доброму, не зря же целый год с ней занимался? Заставлял вникнуть, заставлял до конца разобраться, каждый раз живо интересовался её успехами в школе, и искренне радовался, когда их занятия приносили плоды. Каж-

дой её четвёрке и пятёрке радовался, как своей. И даже руки от удовольствия потирал. Саша смеялась над ним в такие моменты.

– Может, тебе тоже нужно было в педагогический поступить? Вон как радуешься.

– С ума сошла. – Толя сел на диван рядом с ней, но уже в своей комнате, и потянулся. После чего зевнул.

Семнадцатилетняя Саша украдкой наблюдала за ним, кинула взгляд на его грудь и живот под тонкой тканью футболки, сделала осторожный вдох и, наконец, отвернулась. И совсем не ожидала, что Толя её за коленку схватит. А он посмотрел и усмехнулся.

– Давай, малыш, расскажи мне что-нибудь помимо математики.

– Что? – Покосилась недовольно. – Опять про Лику?

Толя брови сдвинул, кажется, задумался, но после рукой махнул.

– Не надо про неё, не порти настроение. Про себя расскажи.

– Что?

– Ну, не знаю... Про парня своего.

Саша глаза на него вытаращила.

– Какого ещё парня?

Толя от её возмущённой реакции даже рассмеялся.

– Да ладно врать-то, все знают.

– Кто? И что знают? Как они могут что-то знать лучше

меня про моего же парня?

– Так он всё-таки есть? – Ефимов смотрел на неё с живым восторгом.

– Нет!

– Саня!

Она толкнула его в плечо.

– Перестань. Нет у меня никакого парня.

– А тот, в очках?

– Это мой одноклассник, – обиделась Саша и отвернулась от него.

– Который ходит за тобой по пятам и носит портфель. Всё так и начинается.

Саша лишь фыркнула, решив ему не отвечать. Отвернулась, и снова Толю оттолкнула, когда он обниматься полез. Тискал её, как котёнка, честное слово. И парня придумал... То есть, не совсем придумал, парень был, хотя, не совсем парень. На самом деле одноклассник, кстати, тёзка её, Саша Кашин. И с некоторых пор в классе их дразнили – Саша и Каша. Может быть, кто-то на самом деле считал их парой, но Саше-то было лучше знать. С Кашиным они просто дружили, вместе планировали поступать в педагогический, только он на химфак, и последний год, сидя на задних партах, нашли много общего. Оба любили читать, любили одни и те же фильмы, а также слыли в классе заучками. Странно было бы не подружиться, в конце концов. Сашка провожал её после школы до дома, но только потому, что сам жил

неподалёку. И несколько раз попадались на глаза тётке и Лике. И ни от кого другого Толя о её парне узнать не мог. Хотя, если Лика в компании разболтала, то... Но они с Сашкой никогда в жизни не держались за руки, а уж тем более не целовались. Саше подобное и в голову не приходило по отношению к Кашину. Он был просто другом, не больше. А Толя её теперь толкает и ухмыляется так, как ей совсем не нравится.

– Не твоё дело, – в итоге проговорила она себе под нос.

Ефимов неожиданно вздохнул.

– Это точно. Просто не забывай о деле, малыш. Сначала поступи, а потом начинай крутить романы.

– Я боюсь, – вдруг призналась Саша.

Толя взглянул с удивлением.

– Чего?

Саша повернулась к нему.

– Экзаменов. И, вообще, всего этого... Толь, вдруг я не поступлю?

– Поступишь, – уверенно сказал он. Коснулся её волос. – Ты что, малыш? Конечно, поступишь. И станешь писательницей.

Саша прищурилась, заподозрив его в том, что он издевается над ней. А он руку ей протянул.

– Хочешь, поспорим?

Она его руку оттолкнула.

– Не буду я с тобой спорить.

Он вздохнул, явно переигрывая, поднялся, но сказал:

– Странные вы, женщины, существа. Даже такие маленькие, как ты.

– Я не маленькая!

Толя глянул на неё с неожиданным интересом.

– Уже взрослая?

От его взгляда Саша смутилась и поторопилась разговор закончить. А чуть позже Ефимов и вовсе выпроводил её за порог, как только появилась его очередная пассия. То есть, Толя её не гнал, даже слова не сказал, но когда Саша засобиралась, смерив его девушку выразительным взглядом, обрадовался. Только сделал выразительный жест рукой, на что Саша выразительно фыркнула и вышла за дверь.

Саша удивлялась, как мужчины могут быть такими непостоянными. Толя уверял, что без ума от Лики, как только та ему позволяла, так и уверял. Да и без того было видно, что он до сих пор готов ради Анжелики на всё. Стоило той ему улыбнуться, как Ефимов забывал обо всех своих девушках и романах, даже если незадолго до этого отношения казались серьёзными. Лика действовала на него, как наркотик. Хотя, Саша, взрослея и наблюдая их историю, в конце концов пришла к выводу, что дело не в какой-то всепоглощающей любви, а скорее в разочаровании и уязвлённом самолюбии Ефимова. Лика превратилась для него в мечту, которой он так и не достиг. На первом курсе, в разгар их с Анжеликой отношений, она была для него словно приз, он был горд такой красивой девушкой, а та, в итоге, пренебрегла им, и не из-

за того, что любовь закончилась, а из-за его бедности. Это было обиднее всего, и задевало Толю сильно, больно и отчаянно. Он, наверняка, чувствовал себя оскорблённым до глубины души. По крайней мере, Саша так считала. По своим наблюдениям, по словам, случайно Толей обронённым. Он был человеком честолюбивым и даже чуточку тщеславным, ему необходимо было ощущать свою нужность и получать отдачу от своих чувств к женщине. А Лика ему этого не давала. Она не готова была гордиться им и любить, только потому, что он вот такой замечательный. Ей требовалось в придачу к его желанию и страсти и кое-что другое, что грело бы её не только рядом с ним, но и без него. Например, шуба. Или радовало глаз. Например, кольцо или браслет. На голые эмоции она себя растрчивать была не готова. Ей тоже была нужна отдача, но совсем не эмоциональная. И только когда Лика начинала скучать по Ефимову в достаточной степени, что справиться с собой у неё не получалось, она шла к нему, и даже готова была просить прощения и умолять его. О чём именно она его умоляла, Саша старалась не задумываться, но Толя неизменно таял. Не сразу, иногда горячился, даже ругался с Анжеликой, но та, если чего-то хотела, всегда добивалась своего. Особенно, если дело касалось мужчин. И наблюдая раз за разом, как Толя идёт у неё на поводу, даже зная, что это ненадолго, Саша теряла покой. Она давно смирилась с непостоянством Ефимова, с круговоротом девушек в его жизни, и если злилась и ревновала, то несиль-

но, но Лика... Та будто опутала его когда-то своей паутиной, и время от времени дёргала за верёвочку, возвращая к своему телу. А Толя, как слепой безвольный щенок, ей поддавался. Саша поневоле задумалась со временем, чем таким его Лика берёт. Не одной же красотой? Начала посматривать на сестру с определённым интересом, наблюдать за ней, и чем больше наблюдала, тем яснее понимала: что бы это ни было, у неё, Саши, такого нет. Ни красоты, ни внутреннего магнита, ни уверенности сестры ей от природы не досталось. Хотя, они же не родные, а двоюродные... Но всё равно немножко обидно.

В последний раз внутренний магнит Анжелики сработал, когда она уже встречалась с Петечкой. Тот несколько лет назад закончил их же институт, читал лекцию по приглашению ректора, и там их с Ликой судьба и свела. Петя показался Анжелике взрослым, привлекательным и, без сомнения, перспективным. Эти самые перспективы действовали на Лику завораживающе. Она голову теряла от демонстрации мужской удачи и заработанного благосостояния, и, если к разводу спустя восемь лет, Анжелика подошла с твёрдым убеждением, что от мужа её толка нет ни в каком смысле, то в начале их отношений, она казалась обомлевшей и почти влюблённой. В дом к её родителям, Петя явился с видом победителя и героя, и Саша впервые в жизни наблюдала, как Лика льнёт к своему избраннику и смотрит на того влюблёнными глазами. Влюблёнными глазами оголодавшей кошки. А ещё с гор-

достью. На Толю она так никогда не смотрела. Но в то же время, Саше не верилось, что она гордится именно Петечкой, его заслугами и достижениями, скорее уж она была горда собой, что смогла заполучить такого жениха. Случилось, наконец, то, о чём она так долго думала и мечтала.

Отношения развивались и к концу пятого курса, Петя сделал Лике предложение. Всё честь по чести, пришёл к её родителям, с цветами и кольцом, Анжелика смотрела на него восторженными глазами и даже заплакала в какой-то момент, должно быть от счастья. И на шее у будущего мужа повисла, поцеловала, под взглядами впечатлённых и растроганных родителей. А вот Саша долго поверить не могла. Посмотрела спектакль с помолвкой до конца, посидела со всеми за праздничным столом, даже дождалась, пока Лика своего принца до машины проводит, а когда сестра вернулась, улучила момент и тихонько у неё спросила:

– Ты, правда, хочешь за него замуж?

– А что? – Лика казалась удивлённой её вопросом. – Петя – отличная кандидатура.

– Ты полюбила его за кандидатуру?

Анжелика понимающе усмехнулась, потом ткнула в неё пальцем и уточнила:

– За отличную кандидатуру. – А потом за плечи Сашу обняла. – Саня, ты вот уже учишься в институте, а всё равно дитё дитём. Когда только повзрослеешь. Как барышня тургеневская, право слово. Ну, подумай сама, Петя молодой,

с характером пробивным. Ему двадцать восемь, а у него уже свой бизнес. И замуж зовёт. Между прочим, меня ещё ни разу замуж не звали.

Саша усмехнулась в сторонку.

– И Ефимов не звал?

– И Ефимов не звал. Он же не дурак. Ему и звать-то меня некуда. Не в мамину же двушку.

Саша покивала, но затем взяла себя в руки и заставила улыбнуться.

– Если ты хочешь за Петю замуж, то я за тебя рада.

– Спасибо, малыш, – сказала Лика с улыбкой, а заметив, что Саша всерьёз нахмурилась, засмеялась. – Прости, прости.

Знала, что так Сашу только Толя называет, сама Саша от этого не слишком в восторге, но иногда она её специально подначивала этим словом.

Новость о предстоящем замужестве Лика решила прибегнуть, и Саше пришлось согласиться. Это же не её новость, как она может спорить? Право Анжелики решать, что рассказывать о себе окружающим. Саша это приняла, и несколько недель стойко хранила эту тайну. День свадьбы был назначен на середину августа, и Лика пообещала сообщить всем друзьям после защиты диплома, сказала, что не хочет отвлекать. И с этим Саша тоже спорить не стала. Свыклась, приняла и даже порадовалась – и за сестру, и за себя в том числе. То есть, за Толю. Появилась определённая надежда, что

после замужества, Лика окончательно забудет про Ефимова. Займётся мужем, большая надежда, что по-настоящему любимым, семью будет строить, новый дом обустраивать. А дом будет на самом деле новый, потому что Петя пообещал поменять свою двушку в новостройке на квартиру побольше, и всё для жены-красавицы. И Анжелика пребывала в ожидании, ходила возбуждённая и взволнованная, даже про защиту диплома позабыла. Что и не удивительно, своего она уже добилась, выходила замуж за обеспеченного, по её меркам, человека. И корочки о высшем образовании уже были не столь желаемой целью. И, наверное, решив окончательно проститься со свободной жизнью и стать добропорядочной, верной женой, напоследок захотела ещё разок поиграть с Ефимовым в любовь. Саше снова пришлось наблюдать, как в один из вечеров на студенческом сборище, Лика строит ему глазки, томно вздыхает, напустив в глаза грусти, и печально, без всякой надежды, улыбается. Саша на Толю посмотрела, тот весь вечер просидел рядом с ней, и хотя пил, но от Саши не отходил. Разговаривал с ней, улыбался только ей, и Саша собственному счастью верить боялась. Понадобилось почти пять лет, чтобы Толя подумал о ней не как о ребёнке. По крайней мере, в это хотелось верить. И Саша верила, возможно, совершая глупость, но ей исполнилось девятнадцать, когда верить, как не в этом возрасте. За прошедшие пять лет, она столько всего пережила, связанного с именем Анатолия Ефимова, что порой передёргивало от воспо-

минаний. Лики в его объятиях, его злости и обиды, хоровод других девушек вокруг него. И вот впервые он сидит весь вечер рядом с ней, не горя желанием общаться с кем-то ещё, спрашивает её про институт, про личные дела, смеётся над её словами и лёгким смущением, и подозрительно долго не отводит глаз от её лица. Что-то для себя высматривает, улыбается, а потом подаёт ей бокал вина.

– Давай выпьем, малыш.

Саша удивлённо вздёрнула брови.

– Ты впервые мне это говоришь. По-твоему, я уже готова? Достаточно взрослая?

Ефимов рассмеялся, поднял свою рюмку, осторожно чокнулся, стараясь не расплескать.

– Вот и проверим. Так как, говоришь, твои дела?

– Что именно тебя интересует?

– Ты знаешь, – проговорил он с непонятным для Саши удовольствием.

Она головой качнула, и заученно повторила:

– Не твоё дело, Ефимов.

– Как ты можешь? Я твой учитель. Наставник!

– В чём наставник?

– Ну... – Толя губами пожевал, бровями поиграл, после чего ухмыльнулся. – Во всём приличном.

Саша отвечать ему не стала, улыбнулась в сторону, и вот тогда заметила пристальный взгляд Лики через стол. Она наблюдала за ними. Наблюдала очень внимательно, а как толь-

ко Ефимов глянул в её сторону, она ему улыбнулась, той самой завораживающей грустной улыбкой. Саша ощутила сильнейший укол в сердце, посмотрела на лицо Толе и поняла, что тот глаз с Анжелики не сводит. Кажется, задумавшимся, даже отрешённым. Затем вздохнул и отвернулся.

– Ещё вина, малыш?

– Нет, я ещё это не допила.

– А я выпью.

Он за бутылкой водки потянулся, а Саша сжала в ладони бокал. Как же ей хотелось именно в этот момент схватить Толю за руку и сказать ему всё, как есть: и про замужество, и про Петечку, и про Ликины рассуждения о перспективах, которых у Ефимова нет. Как хотелось сказать ему всего три слова: не верь ей. Больше никогда ей не верь, она тебя не любит. Она и Петечку-то в достаточной степени не любит, лишь себя. Но Лика была её сестрой, как она могла наговорить про неё такое, тем более Толе?

Но ещё можно было попытаться всё спасти. И впервые, впервые в жизни Саша сама взяла его за руку, и в глаза посмотрела серьёзно и с настоящей мольбой.

– Давай уйдём отсюда.

Толя удивился. И её взгляду, и просьбе, а особенно её руке, что сжала его пальцы. Обозрел всё это чуть помутившимся взглядом, головой чуть качнул, явно разгоняя алкогольный дурман, а Саша, не давая ему опомниться, повторила:

– Давай уйдём.

– Санька, ты что задумала?

– Я тебе потом расскажу, – пообещала она. – Только сейчас давай уйдём. Мне надоело.

Ефимов посмотрел на шумевших друзей за столом, потом снова на их руки, раздумывал в течение минуты, и эта минута Саше самой долгой в жизни показалась. Но, в итоге, Толя кивнул. Кивнул, и начал подниматься, его мотнуло немного, а Саша ещё удивилась, она не заметила, когда он так набраться успел.

Ли́ка догнала их в прихожей, посмотрела с непониманием.

– Куда вы уходите?

– У меня голова болит, – соврала ей Саша, мечтая, чтобы Анжелика поверила и ушла. Краем глаза наблюдала, как Ефимов одевается, в какой-то момент на стену повалился, но тут же выпрямился.

Ли́ка же руку в бок упёрла.

– И что?

– Ничего, – огрызнулась Саша. – Я пойду к бабушке, Толя меня проводит.

– Саня, он пьян в стельку!

Ефимов вылез вперёд, и её пальчик отвернул в сторону.

– Не говори, чего не знаешь, женщина. Я трезвый. Почти. Доставлю в лучшем виде.

Ли́ка усмехнулась ему в лицо.

– Я не понимаю, откуда такое рвение?

– Лика, отстань, – попросила Саша, но без злости, а Ефимов сказал:

– Не хочу портить тебе вечер своей пьяной физиономией. Ты ведь найдёшь, на кого посмотреть и без меня?

– О, не сомневайся.

– Не сомневаюсь. Холодная, жестокая женщина. – Это он проговорил со смешком, но вышло всё равно впечатляюще.

– Не такая уж и холодная, Ефимов. Тебе ли не знать.

Лика смотрела ему в глаза, и даже Саша видела в её взгляде призыв. Откровенный и открытый. И Саша поторопилась дёрнуть Толю за руку.

– Пойдём. Толя!

Он усмехнулся Лике в лицо, но отступил и за дверь вместе с Сашей вышел. Правда, не удержался и сказал:

– Стерва.

Саша глянула на него снизу, пыталась поймать его взгляд, но не преуспела в этом. Но, главное, что он ушёл с ней, не остался с Ликой. Хотя, и злится, от возмущения кипит, Саша чувствует это.

– Не обращай на неё внимания, – сказала она. – Ты же знаешь Лику, ей всегда больше всех надо.

– Я её вдоль и поперёк знаю, – проговорил он, и это заявление Саше не понравилось, но отвечать и спорить она не стала. Пусть думает так.

Они шли по тёмной, сырой улице, молчали, Саша под руку его держала, и каждый думал о своём. Толя дышал тяжело,

будто бежал долго, и она понимала, что думает он не о ней. Лица снова всё испортила. Но свежий вечерний воздух пьянил, кружил голову, и вскоре Саша позабыла о неприятностях. Казалось невероятным, что она идёт под руку с Ефимовым, и это обоим кажется нормальным. И пусть молчат, пусть думают каждый о своём, но это всё равно лучше, чем оставить его Лике и идти домой одной, как происходило обычно.

Толя вдруг посмотрел на неё, взгляд был более ясный, чем двадцать минут назад, и спросил:

– Ты не замёрзла?

– Немного, – призналась Саша.

А Ефимов вдруг обнял её за плечи. Без всякого умысла, и не думал к ней прижиматься, просто обнял, но Саша всё равно растаяла.

– Чем ты займёшься после института? – спросила она, чтобы не молчать и не казаться смущённой и расчувствовавшейся.

Толя плечами пожал.

– Есть пара мыслей. Но пока ничего чёткого. Что странно, да? Через пару недель я буду свободен, как ветер, а что делать буду, понятия не имею. Борисов предлагает в паре поработать, возможно, соглашусь.

– Ты придумаешь, – уверенно сказала Саша.

Толя наклонился к ней, прямо к её лицу.

– Ты в меня веришь?

– Верю.

– Продолжай это делать, – улыбнулся он. Волосы упали ему на лоб, когда он ещё ниже наклонился, дыхание коснулось Сашиных губ, она замерла, но всеми силами старалась удерживать лёгкую улыбку, чтобы опять же не казаться смущённой и даже испуганной. Только подумала, что Толя ведь понятия не имеет, что её ещё никто никогда не целовал. Лишь потому, что она с юности смотрела и видела только его. В мечтах, наяву, только его. Толя этого, конечно, не знал, но вдруг замер, видимо, осознав всю пикантность момента. Они смотрели друг другу в глаза, она ждала, он принимал решение, но в последний момент отпрянул. И лишь улыбнулся Саше, будто ничего не произошло. Снова за руку её взял.

– Пойдём. Ты уже замёрзла.

Он довёл её до дома бабушки, к этому моменту уже совсем стемнело, да и время было недетское. Саша посмотрела на окна бабушкиной квартиры, она жила на первом этаже, окна были тёмные. Без сомнения, бабушка уже спала. И её не ждала. Конечно, она ведь гуляла с Ликой. Никто никогда за неё не переживал, когда она была с Ликой. Смешно.

– Ты протрезвел?

– А то. В этом деле нет ничего лучше, чем прогулки по свежему воздуху.

– Ты точно до дома доберёшься?

– Сань, ну ты чего? Куда я денусь?

Она всё равно смотрела на него в сомнениях. В большом

сомнении, и тогда Ефимов положил руку ей на плечо.

– Малыш, я тебе клянусь.

Саша вздохнула.

– Почему ты так меня называешь?

Толя смерил её выразительным взглядом, затем хмыкнул.

Саша с неудовольствием подумала о том, что макушкой едва ему до носа достаёт. Он как-то прочитал её мысли, потому что улыбнулся, а затем сказал:

– Ты похожа на маленькую куколку. Вся такая аккуратненькая, складненькая, как статуэтка. До тебя дотронуться страшно, особенно мне.

Саша внимательно его слушала, смотрела ему в лицо, потом всё-таки спросила:

– Почему тебе?

Он ухмыльнулся.

– Боюсь тебя помять.

Саша глаза опустила. Покивала.

– Хорошая отговорка.

– Какая ещё отговорка, Саня?

Она плечами пожала и отступила на шаг. Потом ещё на один, Толя наблюдал за тем, как она пятилась, потом протянул руку и притянул Сашу обратно. И поцеловал. Ей пришлось закинуть голову назад, чтобы ему было удобнее, в первый момент ни о чём другом и думать не могла, кроме как о Толином удобстве. Как встать, как обнять, как ответить на его поцелуй. Никакой окрылённости от свершившей-

ся мечты, ощущения чуда в душе, взрыва страсти и любви. Было приятно от прикосновения его тёплых губ к её губам, и в то же время немного странно, когда Толин язык решительно ворвался в её рот. Понадобилось некоторое время для того, чтобы привыкнуть, прочувствовать свой первый поцелуй, а потом она уже в нём потерялась. От нехватки воздуха, от того, что её крепко прижали к мужскому телу, от привкуса водки на своём языке. А Ефимов всё целовал и целовал её, но первым отступил, будто опомнился в один момент. Взглянул ошарашено, наблюдал, как Саша губы вытирает, и тогда уже решил усмехнуться, но вышло у него недоверчиво, кажется, самому себе не верил.

– Я же говорил: помну.

– Я пойду домой, уже поздно.

Толя кивнул, продолжая приглядываться к ней. Как будто они первый день знакомы.

– Иди, малыш.

Саша направилась к подъезду, но в последний момент обернулась. Сомневалась, прежде чем попросить, но всё-таки...

– Ты можешь мне позвонить, как домой доберёшься? Чтобы я не волновалась.

– А ты будешь волноваться?

– Ты же знаешь, Толя.

– Я тебе позвоню, – пообещал он. – Беги.

Она не побежала, она полетела. Непонятно, чего жда-

ла от завтрашнего дня, боялась мечтать и строить планы, но воспоминание о первом поцелуе пьянило, как и сам поцелуй. Кстати, он на самом деле мог опьянить, привкус алкоголя до сих пор на языке ощущался. Но разве это что-то значит? Главное, Толя её поцеловал!

Но странно было бы надеется, что единственный поцелуй всё изменит. Конечно, хотелось бы проснуться в новом мире, в котором Толя Ефимов любит её и видит только её, но этого не произошло. И даже не расстроило, если честно. Саша только вздохнула, когда он не позвонил на следующий день. И через день не позвонил, и через два. Саша убеждала себя не переживать, не расстраиваться и не ждать его. В конце концов, сейчас точно не лучший момент. Толя защищает диплом, если считать, то уже через считанные дни, и мешать ему сейчас, тревожить не стоит. Но память о прошлом не давала так запросто поверить в то, что он занят учёбой. Настолько не давала, что Саша даже не набралась в себе смелости позвонить сестре, и, вообще, придти к ней в дом. Боялась узнать, что всё изменилось, что в Лике снова жадность разыгралась, что она передумала делиться. Боялась узнать, что Толя у неё дома. Снова, в который раз, увидеть, как он выходит из спальни Анжелики, полуголый и довольный. И понять, что его полупьяный поцелуй, подаренный ей, ничего не значит.

Но спустя несколько дней ей позвонила Лика и спросила о том, что и Сашу беспокоило.

– Ты не знаешь, где Ефимов? Неделю его не видела.

– Не знаю, – коротко ответила Саша.

– Он ничего тебе не говорил, никуда не собирался?

– Он ничего мне не говорил, Лика. Что тебя так волнует Толя? – Саша не стала скрывать язвительности. – Кажется, у тебя жених есть.

Лика помолчала, после чего переспросила:

– Что с тобой? Не с той ноги встала?

Саша зажмурилась, радуясь, что сестра в этот момент не может её видеть. Присела на стул и зажмурилась на секунду.

– Настроения нет.

– Поругалась со своим очкариком?

– Занимайся своим Петечкой, – посоветовала ей Саша, разгорячившись. – И про Ефимова я ничего не знаю. Зачем он тебе нужен?

– Хотела с ним по поводу защиты поговорить. – Анжелика усмехнулась. – А он меня, кажется, избегает. Трус.

Трубку Саша положила, ощущая тяжесть на сердце. Было ясно, что просто так Лика не отступится, будет искать Ефимова, пока не найдёт. И что куда более ясно: дело не в защите диплома.

Немного посомневавшись, Саша позвонила Толе домой. Трубку сняла его мама, и с сожалением Сашу оповестила, что Толя уехал из города, на дачу к кому-то из друзей. Сказал, что готовиться будет там.

– К кому из друзей?

– Не сказал, Сашенька. Но если он позвонит, я ему передам, что ты его искала.

– Хорошо, спасибо, – вздохнула Саша.

Опять она осталась ни с чем. Остаётся надеяться, что Толя не от неё сбежал, не от её поцелуя, а всё-таки от Лики. И ничего удивительного, что впала в тоску и апатию. Дни шли, а Ефимов никак себя не проявлял. Саша успокаивала себя, обзвонила друзей и знакомых, одноклассников Лики, ненавязчиво поспрашивала, и самое главное, что выяснила: заняты все. В беспокойстве, переживаниях, нервные и злые, а ещё вздыхали бесконечно. Разговаривать с такими людьми было проблематично и тяжело. Каждое слово приходилось вытягивать и потратить на это кучу времени, которого, кстати, ни у кого не было. Лишь Стариков признался, что Толя у него на даче, но Сашу это совершенно не касается, и приезжать к ним не надо, они готовятся.

Признаться, после того, что выяснила, где всё-таки прячется Ефимов – от неё или не от неё, это уже другой вопрос, – стало легче и спокойнее. Саша только решила уточнить:

– Вы точно к диплому готовитесь, Миша?

– Да что же это такое, – в полный голос возмутился Стариков. – Каждый, кто мне звонит, об этом спрашивает. Мы готовимся, Саня, не пьём. Отстаньте все. – И трубку кинул.

Это было, безусловно, невежливо, но вполне объяснимо в исполнении человека, которому до защиты диплома оста-

валась пара дней. Саша поняла, приняла и нисколько на Старикова не обиделась. А затем задумалась о том, расскажет он Толе о её звонке или не расскажет. Скорее всего, да. А это хорошо или плохо?

Кажется, одна Лика не переживала. За день до защиты, отправилась платье свадебное выбирать. С подругами, и младшую сестру с собой прихватила. Саша была удивлена Ликиным спокойствием, можно сказать, слоновьим. По себе знала, что перед своей защитой от волнения ногти все сгрызёт, а Лика половину дня потратила на выбор свадебного платья и простояла перед зеркалом. Её подруги трещали, как сороки, а Саша, улучив момент, всё-таки спросила:

– Ты совсем не волнуешься?

Анжелика оправила пышные юбки платья, повернулась боком, осмотрела себя, атласный корсет ладонями разгладила. И только после этого взглянула на Сашу.

– Ты о свадьбе? Конечно, волнуюсь.

– Я об институте, Лика.

– А, это. – Она пожала плечами. – Петя обещал, что всё будет в порядке. К тому же, сейчас я уже не представляю, что я буду делать с дипломом.

Саша привалилась к стене, сложила руки на груди. Вздохнула.

– Понятно. Работать ты не собираешься.

Лика взглянула с недоумением, правда, переигрывала.

– Шутишь? Если бы я собиралась работать, замуж бы

не выходила. Но я уверена, что Петечка справится с любыми трудностями.

Саша украдкой огляделась, их никто не слушал. И тогда она спросила, до предела понизив голос:

– А Толя?

– Что Толя?

– Зачем-то ты его искала.

– Искала? – Анжелика усмехнулась. – Почему ты думаешь, что не нашла?

Саша промолчала. Сказать ей было нечего. Действительно, почему она думала, что Лика Ефимова не нашла? Она всегда находила и получала всё, что хотела.

Толя объявился сам. Вечером, в день сдачи. Позвонил, и как ни в чём не бывало, сказал:

– Привет, малыш.

Саша от его тона насторожилась. Совершенно не знала, как реагировать. Но ответила:

– Привет.

– Поздравишь меня?

Она выдохнула.

– Конечно. Поздравляю. Всё хорошо?

– Всё отлично. Ты искала меня?

– Не искала, – соврала Саша. – Волновалась немного.

– Мне нужно было время, чтобы мозги на место встали.

Зато теперь я свободен, как ветер.

– Ты молодец.

Он рассмеялся.

– Хвали меня, хвали. – А затем спросил: – Ты придёшь?

Мы у Потапова собираемся.

– Кто?

– Да все, – легко ответил он, а Саша тут же спросила:

– И Лика?

– Обещала придти, – не стал скрывать Толя, и Саше показалось, что она расслышала в его голосе что-то такое... то ли оттенок недовольства, то ли, наоборот, ожидания. И не осмелилась поинтересоваться, встречался ли он за прошедшую неделю с Ликой. Вместо этого пообещала:

– Я приду. Через час буду.

– Замечательно. Тебя встретить?

– Не думаю, что через час ты будешь в состоянии.

Он снова рассмеялся, и телефон отключил. А Саша замерла, сжимая трубку в руке. Хотелось зажмуриться и сделать что-то безумное, самое малое, закричать. Но закричать, значит, напугать бабушку. А этого не хотелось. И вместо глупых поступков, кинулась к шкафу с одеждой, а после к зеркалу. Почему-то показалось, что этот вечер может стать очень важным в её жизни. Возможно, самым важным.

И ради важного вечера, она, наконец, распустила хвосты, подкрасила глаза, а вместо любимых джинсов надела короткую юбку. Как именно ей сегодня может помочь юбка и макияж, думать отчего-то было страшно. Саша шла по улице и без конца юбку одёргивала. Старалась делать это незамет-

но, но из-за открытых ног, чувствовала себя едва ли не голой. Хотя, вокруг большинство девушек выглядели так, как она, наконец, пришла тёплая погода, и про куртки и штаны можно было позабыть. Многие так и сделали, с удовольствием, а вот Саше было непривычно. По пути зашла в магазин, купила бутылку вина и кое-какой закуски, на что денег хватило. Являться к вчерашним студентам, даже поздравлять, с тортиком и бутылкой шампанского, было глупо. Нечего и гадать, у Потапова сейчас идёт такое веселье, что им куда нужнее дозаправка, чем глупости в виде пирожных.

А чтобы отвлечь друзей от её вызывающего (по крайней мере, по мнению самой Саши) вида, она, как только вошла в комнату, где шло веселье, свой вклад в застолье и продемонстрировала.

– Я вам кое-что принесла!

– О, Саня пришла!

– Сашка, мы сдали! Всё кончилось!

Она рассмеялась.

– Поздравляю. Всех поздравляю, все молодцы. – Саша старалась улыбаться открыто и радостно, кое-кого даже расцеловала, а потом шлёпнулась на свободное место на диване. И тут же будто провалилась вниз. Её роста было недостаточно, чтобы за этим столом казаться взрослой. Над ней посмеялись, а она всем кулак продемонстрировала.

– Хватит смеяться.

– Не ржать, – прикрикнул Ефимов, и Саше пришлось за-

кинуть голову, чтобы увидеть его. Когда она вошла, в комнате Толи не было, а теперь он появился из соседней комнаты и высился над ней.

На его окрик особо никто внимания и не обратил, за столом шумели, смеялись, разговаривали, уже напрочь забыв про Сашин конфуз. А Толя присел на подлокотник дивана, на Сашу посмотрел, улыбнулся.

– Привет, я волноваться начал. Опаздываешь.

– Я пешком шла.

– Ну, и зря. Темно уже.

Саша только плечами пожала, а в следующий момент они вместе с Ефимовым поморщились, когда Алёнка Каравайцева вдруг запела. Новиков на гитаре играл, а она пела, что-то дворовое, хулиганское и беспардонное. И настолько же весёлое. Пела Каравайцева ужасно, но некоторые всё равно подхватили, и это было занятно. Правда, довольно громко.

– Сань, встань, – вдруг попросил Ефимов.

Она взглянула с удивлением, но поднялась, а Толя с подлокотника на диван съехал, а Сашу к себе на колени усадил.

– Так лучше? – спросил он.

Лучше ли? Ей потребуется несколько долгих минут, чтобы понять, прочувствовать, решить... хорошо ли ей сидеть у Ефимова на коленях. Осторожно окинула взглядом окружающих, но, кажется, все уже были достаточно навеселе, чтобы обращать внимание на то, кто у кого на коленях сидит.

– Лика здесь?

Толя на спинку дивана откинулся, на такую мелочь, как Саша на его коленях, вроде бы, и внимания не обращал. Устремил взгляд куда-то вдаль, а Саша, воспользовавшись возможностью, всмотрелась в его лицо. В отличие от остальных, Ефимов не выглядел пьяным, и уж тем более не выглядел весёлым и свободным, о чём кричали другие. Было очевидно, что его что-то беспокоило и выводило из себя. Лицо бесстрастное, но именно эта бесстрастность давала понять, что что-то явно не так. Поэтому Саша про Лику и спросила. Этот вопрос сам слетел с её языка. А Толя, услышав про Анжелику, перевёл на Сашу пристальный взгляд, его верхняя губа дёрнулась, и это выдало его с головой. Но сам вряд ли это знал. Как всегда улыбнулся, и коротко оповестил:

– Она уже ушла.

– Ушла?

Саша лихорадочно соображала. Вцепилась в мягкий подлокотник дивана, потому что сидеть у мужчины на коленях в напряжённой позе, оказалось не слишком удобно. Саша боялась ёрзать, боялась скатиться на диван, боялась... всего на свете боялась. А тут ещё недовольство и тщательно запёртая внутри злость Ефимова, и его слова о Лике. Что значит, она уже ушла? Так быстро? Но почему?

– Ты с ней говорил? – спросила она негромко.

На губах Ефимова появилась какая-то хищная ухмылка, он снова смотрел в сторону, а пальцы нервно забарабанили по подлокотнику.

Саша головой качнула.

– Она всегда всё портит, – проговорила она чуть слышно и только для него.

Толя посмотрел на неё, они встретились взглядами, и Саша даже испугалась своих последних слов, не нужно было этого говорить. А Ефимов вдруг подался вперёд, сел нормально, и через неё к столу потянулся.

– Мих, давай выпьем, – обратился он к Старикову.

Саша наблюдала за тем, как Миша наполняет рюмки, а думать могла только о Толиной руке, что обняла её за талию. И не понимала, как другие не замечают, не понимают, что она сидит на коленях у Ефимова. Всем отчего-то было всё равно. А Толя заулыбался друзьям, поддержал чей-то тост, выпил, а Саша очень старалась не разглядывать его, не ловить его взгляд, пытаюсь прочесть его истинные чувства и то, о чём он молчал, что скрывал от неё. Ей очень хотелось обнять его, уткнуться в его волосы... и просто его пожалеть. Сказать, что всё будет хорошо в его жизни, и без Лики. Без неё даже лучше. Что делать, если та собралась замуж?

– Всё нормально, малыш, – сказал Толя, в конце концов. Улыбнулся вполне задорно. – Съешь что-нибудь, я нервничаю, когда ты меня разглядываешь.

Саша улыбнулась через силу. Послушно повернулась к столу, обвела взглядом тарелки с едой. Если то, что осталось, можно было назвать едой. После чего головой покачала.

– Что-то не хочется.

Толя рассмеялся, пристроил подбородок на её плече, руками её обнял.

– Да, всё, что было съедобного, уже подъели. – Они ещё послушали, как Потапов поёт «Звезда, по имени Солнце», из всех сил подражая Цюю, а потом Ефимов проговорил ей на ухо: – Пошли отсюда.

Саша посмотрела на него. Пережила секундную панику в душе, после чего кивнула.

– Пойдём.

К ночи на улице похолодало. Саша зябко повела плечами, а Толя ей тут же на плечи свою куртку накинул. Та надёжно прикрыла её едва ли не до колен.

– Что ты вырядилась? – вроде как отругал её он.

От его замечания, Саша немного смутилась. Плечами пожала.

– Так праздник.

– Праздник, – повторил он за ней. Потом за руку взял.

– Тебе стало легче? – спросила она.

– Легче? Отчего?

– Ну... что с институтом всё закончилось.

– Это да.

Саша рискнула рассмеяться.

– Наверное, я с ума сойду от счастья, когда закончу институт.

– На самом деле, малыш, это страшно.

– Страшно?

– А думаешь, нет? До сегодняшнего дня всё в жизни было ясно. Чего хотели, чего ждали. Школа, поступление, институт, диплом. А теперь каждое решение нужно принимать взвешенно. Потому что дальше не исправить, дальше всё на чистовик. Никаких тебе экзаменов, которые можно пересдать.

Саша за руку его дёрнула.

– Перестань. Ты меня пугаешь.

– А ты думаешь, что наши сейчас празднуют? Они напииваются от страха.

Саша снова дёрнула его за руку и засмеялась.

– Хватит.

Ефимов обнял её за плечи.

– Ладно, не слушай меня. Я драматизирую.

Они некоторое время шли молча, и Саше очень хотелось спросить его про Лику, но она боялась. Боялась вызвать слишком бурную реакцию. Она сама с трудом переносила разговоры о свадьбе сестры, всю эту предпраздничную суматоху и обсуждения банкета. Каково, наверное, это было услышать Толе.

– Куда мы идём?

Она не ожидала этого вопроса, головой закрутила, пытаюсь понять, где они. Когда поняла, потянула в другую сторону, через дорогу.

– Я не пойду туда.

– Саня.

– Я живу у бабушки. К Лике я не пойду.

Они перешли через дорогу, и тогда уже Толя притянул её к себе. Взял за подбородок и заглянул в глаза.

– Не злись на неё из-за меня.

Саша головой замотала.

– Не из-за тебя. Из-за неё самой.

– Перестань.

Саша поймала его взгляд.

– Ты ведь с ней говорил сегодня? И что?

– Я не буду это обсуждать.

– Я и так знаю.

– Малыш, ну что ты знаешь?

– Хватит называть меня так!

Ефимов голову опустил и прижался лбом к её лбу.

– Ты малыш. Бессмысленно на это злиться. – Он улыбнулся ей, вот только Саша не слишком в эту улыбку поверила. Толя просто уходил от темы, это было ясно, как Божий день. Но пока она раздумывала, что сказать ему, чтобы он, наконец, понял всю тщетность своих страданий и ожиданий, он её поцеловал. Поцеловал со страстью, которой Саша ещё никогда не знала. И её этой страстью смело, как бамбуковую хижину во время урагана. Толя прижал её к себе, сильная рука держала поперёк спины, а Саша за шею его обняла, как мечтала сделать весь вечер, и на поцелуй ответила. Может быть, неумело, может быть, наивно, но целовала она его с удоволь-

ствием, и всей любовью, что накопилась в ней за годы.

Ефимов отстранился, посмотрел на неё и улыбнулся, вполне искренне, и у Саши от сердца отлегло.

– Кто учил тебя целоваться?

На языке крутилось: «ты», но произнести это Саша так и не осмелилась. Вместо этого губы облизала, без всякого умысла, а Толя брови сдвинул, к ней приглядываясь и словно раздумывая, но уже через секунду вновь прижался губами к её губам.

– Пошли ко мне, мать на дежурстве, – предложил он, а Саше как-то не пришло в голову отказаться или просто задуматься. Они шли, обнявшись, и впервые за долгие годы, за все годы их знакомства, она не изводила себя мыслями о том, что Толя о Лике думает. Кажется, он впервые думает о ней, Саше, и когда наклоняется к ней за коротким, сумасшедшим поцелуем, обдаёт её губы горячим дыханием, в его взгляде отражается неподдельное желание.

Оба слегка потеряли голову. Саша не знала, как это бывает обычно, как себя ведёт мужчина, что нужно делать ей, чтобы всё получилось правильно и, как порой говорила Лика, особенно сладко. Саша лишь отвечала на Толины поцелуи, позволила прижать себя к стене, когда они вошли в тёмную квартиру. Куртка Ефимова упала на пол, съехав с её плеч, его руки тут же подхватили её под ягодицы, приподняли, а сам Толя со смешком поинтересовался:

– Кто позволил тебе носить такие юбки?

– У тебя сплошные вопросы, – пожаловалась она. Почувствовала, как раздвинулись в улыбке его губы, когда он принялся целовать её шею.

Он всё шептал ей «малыш», «мой малыш», и она ему верила. Казалось, что невозможно было любить его сильнее, она всегда так думала. Но той ночью Саша таяла от его прикосновений, и не верила, что всё это с ней наяву происходит. Как можно отказаться от его любви? От этой страсти, невероятной по своей силе, как можно отказаться и уйти? Может, поэтому Лика столько раз искала с Ефимовым встречи? Не любила сама, но всегда хотела, чтобы любили её. Вот так самозабвенно, настолько горячо. Саша даже не представляла, что бывает именно так.

– Сашка, – простонал он ей в губы, но тут же усмехнулся, правда, с капелькой боли и достаточной долей недоверчивости. – Глупая ты девчонка.

Саша ему не ответила, в этот момент не могла ответить, переживала ту самую боль, о которой столько слышала, вцепилась в плечи Ефимова, и только дышала. Дышала, глубоко, но неровно, но она старалась. Запустила пальцы в его волосы, поцеловала, когда он потянулся к ней, и тогда уже откинулась на подушку. Закрыла глаза. А Толя ещё некоторое время не двигался, сдерживался, сколько мог, потом наклонился к ней и снова осторожно поцеловал. Очень осторожно, очень нежно. Губы скользнули по Сашиной щеке, губам, потом по подбородку вниз. И в который раз прошептал:

– Мой малыш.

После они долго лежали в темноте. Не спали, но и не разговаривали. Саша точно не знала, что сказать, а Толя... Она понятия не имела, о чём он думал. Лежал, прижавшись щекой к её макушке, одну руку себе за голову закинул и таращился в темноту. Саша его лица видеть не могла, прислушивалась к Толиному дыханию, и боялась пошевелиться. Чувствовала его руку, что гладила её по бедру, и каждая минута казалась бесценной. В этой тишине, в этой темноте. Правда, потом он спросил:

– Почему ты не сказала?

Она помолчала, раздумывая, потом сказала правду:

– Ты бы испугался.

Он хмыкнул в задумчивости.

– Может быть. – Шевельнулся, получилось так, что потёрся щекой о её лоб. – Я похож на труса?

– Иногда ты похож на болвана.

Толя шлёпнул её по попе.

– Девчонка наглая.

Саша поневоле разулыбалась. А в следующий момент удивилась и забеспокоилась, когда Ефимов отстранился и на постели сел, повернувшись к ней спиной. Она тоже села, привалилась спиной к стене, край одеяла к груди прижала. Наблюдала за ним.

– Толь, что?

Он выпрямился, оглянулся на неё через плечо.

– Ничего. Пойду, покурю. А ты спи. – Встал, наклонился за своими боксёрами. Потом руку протянул, потрепал её по волосам. – Принести тебе попить?

Саша не ответила, волосы со лба откинула. Неожиданно почувствовала злость. И мало того, считала её обоснованной. Поэтому и сказала, не сдержавшись.

– Ты бы всё равно ничего не смог сделать. Она всё решила. Ефимов руку убрал.

– Что решила?

Саша таращилась на него в темноте.

– Выйти замуж. Она ведь тебе сказала сегодня? – Он молчал, а Саша запаниковала. И переспросила с тревогой: – Ведь сказала? – И лицо руками закрыла. – Боже, она не сказала.

– Замуж?

В его голосе было столько недоверия, изумления и ещё чего-то... сильно смахивающего на разочарование, что у Саши сердце закололо. На самом деле закололо, как бабушка всегда жаловалась. Саша даже ладонь к груди прижала, не зная, что делать с этой болью.

– За своего Петю? Смешно.

– Толя. – Саша сглотнула, на какое-то время потеряв возможность говорить. – Она вчера платье купила, у них в августе свадьба. А у неё на пальце кольцо за какие-то немыслимые деньги. Ты, вообще, ничего не видишь? Господи, ей замуж надо! За кого-то, кто бы ей эти кольца покупал, а ты...

Он одним коленом в кровать упёрся, наклонился к Саше

и прижал пальцы к её губам. Потом и сам наклонился, поцеловал, запечатывая её взволнованную речь.

– Чёрт с ней. Успокойся, всё. Тебе воды принести?

– Нет.

– Нет?

Она оттолкнула его руки.

– Не хочу я твоей воды.

– Как хочешь. Я покурю, ладно? А ты ложись.

Саша сползла по подушке вниз, всё ещё пылала от возмущения, но говорить больше ничего не стала. Даже на бок повернулась, прижав к себе одеяло. А когда Ефимов из комнаты вышел, позволила себе от отчаяния зажмуриться, и даже всхлипнула тихонечко. Не надо было заводить этот разговор, не надо. Не этой ночью.

Интересно, если Лика не сказала ему о свадьбе, тогда о чём они сегодня разговаривали?

– Какая же ты дура, – прошептала она для самой себя, мысленно ответив на свой же вопрос. И уж точно, ей не стало легче. Какое там!

А через день Ефимов уехал. И это было, как гром среди ясного неба. Проснувшись следующим утром в его квартире, в его постели, с Толей в обнимку, Саша пришла к выводу, что попросту себя запугала. Он же сказал: «Чёрт с ней», то бишь, с Ликой. И вглядываясь утром в лицо спящего Ефимова, Саша смогла убедить себя, что всё обойдётся. Успокоится, уляжется. Всё проходит, а уж тем более любовь мужчины.

Так тётя говорила. А у Толи и не любовь вовсе, в это Саша отчего-то верила, хотя выводы были сделаны исключительно на собственных наблюдениях. Но ей уже давно казалось, что Толя попросту жадничает и злится. И когда Лика появляется в его жизни, в очередной раз, это льстит его самолюбию, льёт бальзам на его раны, и он в полной мере наслаждается её желанием и в какой-то мере, унижением. Но это ведь ненормальные отношения? Точно ненормальные. И Саша тем утром поклялась себе, что сделает всё, что в её силах, чтобы Ефимов понял, каково это, когда тебя по-настоящему любят. А не гадают, что бы с тебя поиметь.

Уходя, она его поцеловала. Ещё не проснувшегося, наклонилась и прижалась губами к его губам. Толя сонно заморгал, вздохнул, после чего обхватил ладонями её бёдра, прижимая к себе.

– Ты куда?

– Мне нужно домой. Бабушка, наверное, с ума сходит. – Саша вглядывалась в его лицо, погладила по щекам, на которых отросла щетина, чёлку со лба смахнула. Подумала и снова его поцеловала. – Ты мне позвонишь?

– Да, малыш.

– Я буду ждать.

Она хотела отойти, но Толя удержал её за руку, притянул обратно. И уже более осмысленно поинтересовался:

– Не злишься за утро?

Саша сделала вид, что задумалась.

– Это когда ты разбудил меня в пять?

Он улыбнулся.

– Это когда я навалился на тебя в пять.

– Это было неожиданно, но я не злюсь.

– Всё хорошо?

– Да.

– Сань. Всё было здорово.

Она почувствовала лёгкое смущение, поняла, что на щеках проступил румянец, и взгляд в сторону отвела. Но после кивнула.

– Да.

Ефимов отпустил её руку.

– Иди. Я позвоню. Пока, малыш.

– Пока, – негромко отозвалась она. Посмотрела на него в последний раз, прежде чем выйти из комнаты.

И да, да, она в тот день была олицетворением глупости и наивности. Она летела домой, как на крыльях, чувствовала себя счастливой и по-настоящему влюблённой. И даже любимой, как это не смешно. А на следующий день, не дождавшись звонка, позвонила ему сама. Трубку снова взяла Толина мать и сказала, что он уехал.

– Куда уехал? – не поняла Саша.

В ответ на этот вопрос услышала печальный и расстроенный вздох.

– В Москву.

Саша даже рот открыла.

– В Москву? Но... он не говорил.

– Не мучай меня, Саша. Этот обалдуй собрался за час и уехал. Обещал звонить.

– Я не понимаю... зачем?

– Сказал, что пора начинать жить. Вот так-то. Растила, растила, а он...

Больше Саша ничего говорить не стала. Положила трубку, повернулась на стуле и бездумно уставилась в глаза своему отражению.

Не позвонил и не простился. Решил начать жить.

Без неё.

Конечно, на этом их история не закончилась. Но то, что произошло дальше, произошло уже без Толи, и, наверное, он об этом ничего не узнает. Даже если Саша когда-нибудь и решит рассказать ему... о себе, о Митьке, обо всем, что прошло мимо Ефимова, то и тогда она многое упустит. О чём-то сознательно умолчит, да и попросту ей не хватит слов и всего её литературного таланта, если он у неё имеется, чтобы передать весь свой ужас от новости о беременности. Этот ужас в один момент избавил её ото всех страданий и мучений. Даже мысли о Ефимове в голове не осталось, лишь страх и непонимание: что делать с ребёнком и как отныне строить свою жизнь.

Спасибо дяде Игорю, Саша до конца своей жизни будет помнить о том, что это именно он поставил точку в раздумьях об аборте, о котором уверенно говорили Лика и тётя Валя. И если тетка пыталась поставить себя на место Саши, сожалела и даже сокрушалась, то Анжелика лишь покрутила пальцем у виска, и назвала её идиоткой.

– Великое счастье, стать матерью-одиночкой, – высказалась она тогда, но когда Сашу в желании родить и бабушка поддержала, только рукой махнула. – Делайте, как хотите, – сказала она. – Но только не портите мне свадьбу.

С тех пор Лика больше её не ругала, ни за что. Видимо, ре-

шила, что Саша достаточно взрослая, чтобы совершать глупости, да и собственные дела и заботы увлекали Анжелику куда больше. И пока она выходила замуж, обустроивала семейное гнёздышко, училась ублажать мужа и строила планы на счастливое сытное будущее, Саша родила ребёнка, и, посомневавшись, точнее, вдоволь попечалившись по этому поводу, оставила институт и нашла работу, радуясь хотя бы тому, что не надо ломать голову, на кого оставить ребёнка. Факт того, что бабушка вынянчила и поставила Митьку на ноги, был неоспорим. Тётя Валя тоже в нём души не чаяла, и после смерти бабушки, пару лет от Митьки не отходила. И поэтому сейчас, когда он достаточно подрос и с каждым месяцем (даже не годом, а месяцем), становится всё более самостоятельным, не находила себе места. Порывалась забирать мальчика из школы, после секции, Митька немного стеснялся из-за этого, но спорил редко. Как-то признался Саше, что надеется, бабушка сама успокоится. Поймёт, что он взрослый. Так и сказал, причем весьма серьёзным тоном, и Саше хоть и пришлось спрятать улыбку, само собой тронувшую её губы, но в душе ощутила лёгкую грусть. Митька так быстро рос. А еще быстрее вырослел. Разговаривать в последние полгода стал иначе, мысли его посещали серьёзные, а порой злился и негодовал он из-за вещей, что и Сашу возмущали не на шутку. А в своём негодовании, кстати, становился похож на Ефимова чрезвычайно. И Саша уже пару лет ждала со страхом того момента, когда кто-нибудь догадает-

ся. Но складывалось впечатление, что о Ефимове все забыли. Он уехал, пропал, и спустя недолгое время его вычеркнули из памяти. Друзья, знакомые, та же Лика. А он взял и вернулся. И Саша, по крайней мере, она, пребывала в смятении. Понимала, что если сбросить всю шелуху: волнение, растерянность, даже злость, на данный момент останется одно – страх. Страх перед тем, что повлечёт за собой его появление.

Решения, как справиться с ним, не находилось. И поэтому оставалось одно – делать вид, что ничего не происходит. Надо жить своей жизнью, притвориться, что присутствие Ефимова её никак не касается. А ещё постараться пореже с ним сталкиваться. Если подумать, то ничего сложного в этом нет. Её жизнь и жизнь Лики сильно отличались, в повседневности они сталкивались редко.

Но дышать всё равно было тяжело.

– Как вечер прошёл? Отдохнула? – первым делом спросила тётя Валя, как только Саша переступила порог её квартиры. Вошла, скинула с головы капюшон и взъерошила волосы. На улице шёл противный дождь, под стать Сашиному настроению, и, видимо, из-за этого самого настроения, она даже не расстроилась, увидев утром за окном свинцовые тучи. Сошла это продолжением ночной душевной смуты. И тёткин вопрос лишь отозвался глухим раздражением внутри, захотелось поморщиться, но Саша удержалась. Наклонилась, чтобы расстегнуть ботинки, а когда выпрямилась и встретилась с тёткой взглядом, вздохнула.

– Ещё бы. Чудесный вечер.

Тётя Валя сдвинула брови, руку в крутой бок упёрла.

– Что? Тебя кто-то обидел?

Вот тут Саша улыбнулась. Потянулась к ней и обняла.

– Никто меня не обижал, успокойся. Просто я не выпалась, от этого ворчу. Где Митя?

Тётка рукой махнула.

– В комнате. В телефон свой уткнулся и вот нащёлкивает. Саша, ты не знаешь, что он делает?

– Играет, наверное. Или болтает с кем-нибудь.

– Болтает он... Удивляюсь твоему спокойствию. Мало ли с кем он болтает!

Саша посмотрела на себя в зеркало, волосы пригладила. А тётку решила успокоить:

– Не переживай, я уверена, что ничего противозаконного. Вроде, рановато.

Тётя Валя покачала головой и изобразила смешок.

– Ха-ха.

Саша улыбнулась, на самом деле, чувствуя, что настроение неумолимо поднимается. Сначала до отметки плинтуса, а затем, как только вошла в комнату и увидела сына, подскочило до небес. Митька её не слышал, уши были заткнуты наушниками, на самом деле уткнулся взглядом в телефон, а пальцы сноровисто бегали по клавиатуре. Саша, вспомнив о тёткиных беспокойствах, взглянула на экран, удостоверилась, что ничего катастрофического не происходит, сынок

увлечённо переписывается с одноклассником. И только после этого потянула из уха сына наушник, наклонилась и поцеловала Митьку в лоб. Он тут же голову повернул, посмотрел на неё и улыбнулся.

– Мама, ты пришла.

– Пришла. – Саша смахнула с его лба чёлку. – Всё хорошо? Как ты себя вёл?

Митя тут же насупился.

– Почему ты каждый раз меня об этом спрашиваешь? Я что, дикарь? Или больной?

– Только не злись. У мамы сегодня болит голова, – призналась она. – Я не могу отвечать на такое количество вопросов.

У Митьки в глазах проснулся интерес, он даже про переписку забыл. В кресле развернулся, мать оглядел более внимательно.

– Ты перепила пива?

Саша поторопилась подняться с подлокотника, на сына взглянула с предостережением.

– Ты ещё не в том возрасте, Митя, чтобы задавать мне такие вопросы. И, вообще, это невежливо.

– Ты же сказала, что у тебя голова болит.

– И что? – Она не удержалась и снова потрепала его по волосам. В этот момент в комнату вошла тётя Валя, увидела это и сказала:

– Саша, мальчишка выглядит, как бродяга. Его нужно отвести в парикмахерскую.

– Знаю. Некогда пока.

Митя дёрнул себя за волосы.

– А мне так нравится.

– Тебя никто не спрашивает, мал ещё. – Тётка села на диван, шумно вздохнула, тоже к Саше присмотрелась. Кивнула ей. – Рассказывай.

– Да что рассказывать? – Саша старательно топила в себе недовольство. О вчерашнем вечере говорить не хотелось, но знала, что тётя Валя так просто её в покое не оставит. Легче рассказать. – Встретились, посидели за столом... – Умолчала про «выпили» при сыне. – Потанцевали. Было любопытно всех увидеть.

– Правильно, сколько лет-то прошло.

– Вообще-то, не так уж и много. Я, вообще, младше всех.

– Это да. А Лика?

Саша посмотрела сначала в один угол комнаты, потом в другой.

– Что Лика?

– Всё нормально?

– Тётя Валя, конечно, нормально. Что с ней случиться могло?

– Все всегда уверены, что ничего не случится, а жизнь, она такая... Время двенадцать, а она не звонит.

– Спит, наверное.

С кем именно она спит, думать нельзя.

Чтобы сменить тему, обратилась к сыну.

– Ты ел? – Митя кивнул. – Тогда пойдём домой.

– Мама, а в автоматы? Ты обещала, суббота же.

Саша глаза закатила, вспомнив, что, на самом деле, обещала, чтобы Митьке не было обидно из-за пятницы.

– Баловство какое-то, – проворчала тётя Валя. – Раньше не было никаких автоматов, и все жили прекрасно.

– Были, тётя.

Та взглянула в удивлении.

– Были?

– Да. И ты это помнишь, потому что ругала нас с Ликой за них.

Тётка рукой на неё махнула.

– Вот и учились бы у умного человека.

– Бабушка, ты просто не представляешь, какие они классные! Я тебе сейчас расскажу.

Воспользовавшись тем, что Митя занял внимание тётки Вали на ближайшие минут десять, Саша бочком из комнаты вышла, прошла на кухню и стянула из вазочки шоколадную конфету. Понятно, что вредно, понятно, что лишняя, но сегодня её с самого утра тянуло на сладкое, как в последние месяцы беременности. Интересно, к чему бы это?

На столе лежал тёткин мобильный. Простенький, ещё с монохромным экраном, но тётя Валя и им-то пользовалась с трудом, не уважала всю эту новомодную электронику. А вот Саша взгляд на телефоне остановила, с определённым умыслом. Всё утро говорила себе, что знать ничего не хочет,

и более того, ей абсолютно всё равно, но всё равно не было. Врать себе было бесполезно. И поэтому, минуту прислушиваясь к голосам в комнате, потянулась за телефоном. Набрала Ликин номер, и уже в следующую секунду перепугалась, хотела отключиться, но гудки будто заворожили. Слушала, слушала, злилась всё больше, а потом голос сестры в трубке, недовольный и заспанный, Анжелика проговорила:

– Мама, я сплю.

Саша хотела отключиться, уже палец на кнопку положила, но вдруг передумала. Что если Лика вздумает перезвонить? На звонок тётя Валя прибежит, начнёт задавать вопросы, непременно спросит, зачем Саша звонила, а у неё ответа нет. По крайней мере, такого, который можно дать, глядя другому человеку в глаза. Всё это вихрем пронеслось в голове, и Саша вернула телефон к уху. И сказала:

– Это не мама, это я. Привет.

– О. – Лика помолчала, то ли обдумывала, то ли возилась, потому что Саша отчётливо слышала непонятные шорохи. – Который час?

– Первый, Лика.

– А почему ты с мамкиного?

– За Митькой пришла. – Не зная, как оправдаться, брякнула: – Не хочешь сходить в торговый центр?

– Сейчас?

– Можно через час... или два. Митька просится на автоматы, а мы бы с тобой выпили... чая.

Анжелика, не скрываясь, хмыкнула.

– Чая?

Саша разозлилась.

– Ты пойдёшь или нет?

– Саня, я сплю. Как нормальный человек после бурной ночи.

Саша свирепо уставилась на новенький холодильник в углу.

– Бурной? У тебя продолжение было?

– Ты, правда, хочешь знать? Или как всегда, покраснеешь, как помидорина?

– Я не хочу знать, – заверила её Саша. А Лика рассмеялась. Понимающе и весело.

– Иногда ты ведёшь себя, как подросток, честное слово.

– Иди к чёрту, – проговорила Саша с чувством, правда, негромко и уже после того, как отключила телефон.

А вот Анжелика, напротив, улыбалась. Телефон на прикроватную тумбочку положила, снова растянулась на постели, а улыбка всё не сходила с её губ. А затем и хмыкнула, достаточно весело.

– Что тебя развеселило? – Ефимов за её спиной сладко потянулся, и на выдохе проговорил: – Поделись улыбкою своей... И она к тебе не раз ещё вернётся.

Лика голову повернула, прижалась щекой к подушке, посмотрела на него. Надо сказать, что оценивающе. Будто ещё до конца не верила, с кем её снова судьба свела. Окинула

взглядом мужское тело рядом, потом руку протянула, тонкие пальчики игриво пробежались по его груди. На губах заиграла улыбка.

– Это Сашка. Зовёт чай пить. Представляешь?

Толя потёр лицо, зевнул, но услышав имя Саши, непонятно отчего напрягся. Даже руки у лица задержал на секунду дольше, чем это требовалось.

– Она уже проснулась?

– Ну, у неё нет причины спать до обеда.

Он посмотрел на неё, тоже улыбнулся. Затем на часы взглянул и присвистнул.

– И, правда, обед.

Лица придвинулась к нему, ногу на него закинула, и оказалась с Ефимовым нос к носу. Он смотрел в её глаза, а она провела пальцем по его подбородку.

– Толя. Удивительно, но я рада, что ты вернулся.

Он вздёрнул брови и взглянул якобы удивлённо.

– Серьёзно? Я тебя порадовал?

Анжелика сама его поцеловала, затем голову наклонила и прижалась губами к его груди. Рука скользнула по его животу и скрылась под одеялом.

– Даже не думала, что встречи выпускников бывают настолько занимательными.

Он хохотнул. За подбородок её взял, погладил большим пальцем щёку и поцеловал.

– Ты очень красивая.

Ли́ка снова улыбнулась, улыбка буквально осветила её лицо, как солнце.

– Ты говорил мне это каждое утро.

Ефимов странно прищурился. После чего кивнул.

– Я помню. – Сказал это и звонко шлёпнул Лику по задку. –
Завтрак приготовишь?

Он на постели сел, а она в недоумении смотрела на его спину, оставшись лежать в призывной позе, вся открытая его взору. Вот только он не смотрел.

– Завтрак?

– Так обед почти. Я есть хочу.

Ли́ка рухнула на постель.

– Помнится, вчера ты мне о завтраке ничего не говорил. Ты был до безобразия красноречив, обещал реки шампанского и ночи полные любви. А теперь тебе завтрак подавай?

Толя обернулся на неё, взглянул весело.

– Ли́ка, солнышко, я должен чем-то подпитываться. Тогда буду работать, как вечный двигатель. Всё зависит от того, чего ты и насколько хочешь. – Потряс её за ногу. – Я в душ, а ты приготовь что-нибудь. Я так есть хочу, у меня аж за ушами трещит.

Ли́ка невольно поморщилась. Сколько лет они с Ефимовым были знакомы, столько она его и ругала за его любовь к просторечным выражениям. Её отец весьма их уважал, а Анжелике они всегда слух резали. Но долгая жизнь в Москве, по всей видимости, от этой привычки Толю не из-

бавила, он стойко за неё цеплялся. Что казалось странным. Сама Лика в Москве никогда не жила. Но в замужестве частенько ездила в столицу с мужем, и ей всегда казалось, что там живут какие-то особенные люди. Они с Петечкой посещали дорогие рестораны, выставки, презентации, и там никто не говорил «трещит за ушами», и не просил приготовить «пожрать». А все её знакомые, москвички, имели кухарок и домработниц. Правда, она раньше тоже пользовалась услугами приходящей прислуги, но после развода Петя наотрез отказался платить им зарплату, и с этим пришлось смириться, хотя Лика восприняла это, как очередное оскорбление от уже ставшего бывшим мужа. Но до Ефимова её привычки, потребности и пристрастия ещё только предстоит донести. До нынешнего Ефимова. Он вон оставил её в постели и пошёл в душ, а первым делом за телефон схватился. И, кажется, всерьёз рассчитывает, что она сейчас кинется на кухню, жарить ему яичницу. У неё и яиц-то в холодильнике нет, и не было уже достаточно давно. В последний раз, кажется, Санька и приносила, что-то готовила на Ликин день рождения.

На завтрак Ефимов получил обезжиренный творог, кофе и пшеничные хлебцы в неограниченном количестве. Некоторое время разглядывал скудный завтрак, после чего в затылке почесал. На Лику посмотрел, с сомнением.

– Ты этим питаешься?

Она лишь плечами пожала. Лика стояла, одетая лишь

в лёгкий, коротенький халатик, который больше подчёркивал, чем скрывал, чуть встрёпанная, с лёгким румянцем на щеках, и облизывала ложку, которой ела йогурт. Делала это сексуально и с определённым умыслом. А когда Толя головой качнул, явно поняв, что она водит его за нос, рассмеялась.

– Сдуреть можно, – проговорил он. – И хлеба нет?

– Я не ем хлеб уже лет семь.

– Лирика, детка, за что ты себя так не любишь?

– Наоборот, очень люблю, Толечка. Ты же сам говорил, что я красавица. Вот ради этого и стараюсь.

Он красноречиво хмыкнул, сел за стол и придвинул к себе чашку. Подул на горячий кофе, потом осторожно отхлебнул. Попробовал творог, скривился, но съел ещё ложку. Покрутил в руке круглый хлебец, попробовал откусить. Выплюнул тут же.

– Дерьмо.

– Дурак ты, Ефимов.

– Птичий корм.

Лирика губы поджала, но затем усмехнулась.

– Санька тоже вечно плюётся.

– Правильно делает. Это не еда, чувство такое, что пластмассу жуёшь. – Толя поторопился запить хлебец кофе. В желудке потеплело, в голове немного прояснилось, и то ладно. А то после бессонной ночи да лёгкого похмелья, даже после душа соображал с трудом. А вот кофе к жизни возвра-

щал. Хотя кофе прилично сварен. Выпил половину бокала и на стуле откинулся, не удержался и снова зевнул. Взгляд сам собой остановился на длинных, красивых Ликиных ногах. Таких длинных ног ни у кого больше нет, точно. Смотрел на её ноги, думал о телефонном звонке, что сделал двадцать минут назад, об участке, что собирался купить, и который ему практически пообещали стопроцентно как раз двадцать минут назад. Думал обо всём этом, а спросил почему-то о другом. Точнее, о другой. – А что с Санькой?

Лика вздёрнула идеально очерченные брови.

– А что с ней?

– Ну... я вчера так и не понял, мы как-то рвано с ней говорили. – Он плечами пожал, будто для самого себя. – Где она, что? Вроде сказала, что не в школе работает.

Анжелика ухмыльнулась.

– Да, в школе она не работает. – В её голосе проскользнуло откровенное неудовольствие, и Толя невольно заинтересовался, зацепился за эту интонацию, посмотрел с интересом, а Лика сказала то, отчего как раз и можно было выпасть в осадок. – Бельём она торгует.

– Каким бельём?

– Нижним. В бутике в центре города.

Он головой мотнул.

– Подожди, я не понял. Почему она торгует бельём?

– А чем, прикажешь, заниматься матери-одиночке?

Кофе в чашке дымил, пока ещё дымил, остывал, но Ефи-

мов даже смотреть на него забыл, даже не пил.

– Я думал, она замужем.

– Ага, как же. Моя сестрёнка дура-альтруистка, вот что я тебе скажу.

Толя лоб потёр, соображать как-то туго получалось. Съел ещё ложку несладкого творога, продолжал обдумывать. Картинка в голове никак не складывалась, как Ефимов ни старался, рассыпалась по частям, как неудачный пазл. Вспомнил Сашку вчерашнюю, вспоминал десятилетней давности, и всё, что он о ней знал, с нижним бельём, которым она якобы торгует, никак не рисовалось.

– Что, за бельё больше платят, чем за преподавание?

Лица посмотрела на него со снисходительностью.

– Толя, ты реально дурак. Включи, наконец, мозги. Она мать-одиночка. Кто бы её содержал, пока она училась?

– Она бросила институт? – В это было поверить труднее, чем в то, что Сашка торгует трусами.

– Она сама так решила.

– А кто... отец?

Лица отпила кофе, презрительно фыркнула.

– Тот очкарик, что за ней всё время таскался. Помнишь его? Одноклассник.

– А-а. – Ефимов смотрел за окно, и о чём-то напряжённо размышлял. Но услышав про того очкарика, который на самом деле тенью за Санькой бродил, легче ему почему-то не стало. Но всё равно уточнил: – А сколько мальчику?

– Митьке? – Лика всерьёз призадумалась. – Он во втором классе. – Снова зависла, подсчитывая, после чего уверенно кивнула. – Семь.

Ефимов выдохнул.

– Ясно. Митька, значит.

– Да. Кстати, прикольный мальчишка. Деловой такой. Только непонятно в кого. Сашка тугодумка, вечно во всём сомневается, а папаша у него и вовсе ботаник.

– И что же, он на ней не женился? – Толя рискнул усмехнуться. – Такие обычно женятся.

– А этот, наверное, не знал, что он обычный. Сашка залетела, а он смылся. То есть, уехал куда-то на север, в какое-то НИИ его позвали, жутко засекреченное. По крайней мере, Сашка так говорит. А я тебе скажу: кинул он её. А она гордая, даже не плюнула ему вслед, и на алименты не подавала. Сама мальчишку тянет. – Лика выразительно вздохнула и сокрушённо качнула золотоволосой головой. – Но как говорит мама: это был её выбор, и самое удивительное, что наша Саня ничуть не раскаивается. Вся такая из себя счастливая мама. – Анжелика всё-таки не удержалась и фыркнула. – Сколько я её учила, дуру.

– Чему учила-то? – Ефимов, наконец, нашёл в себе силы усмехнуться. Хотя, если честно, от услышанного кошки на душе заскребли. Такого он точно не хотел узнать о девочке, о которой всегда вспоминал с нежностью и даже мысленно называл всегда не иначе, как «малыш».

– Жизни учила, Толя! Если бы она не строила из себя героиню, жизнь бы свою устроила. А теперь что?

– Что?

Лица вдруг поморщилась.

– Хватит задавать мне идиотские вопросы. Что?! То! Слушать надо, когда тебе умный человек советы даёт, а не строить из себя... – Она лишь рукой махнула. Поняла, что неожиданно завелась и разозлилась, поэтому сунула чашку в раковину и заявила: – Мне нужно принять ванну.

Ефимов взглянул с лёгким удивлением.

– А ты есть не хочешь?

– Я йогурт съела.

Его брови, как взлетели, так и опустились.

– Я не знаю, что на это сказать. Поэтому лучше поеду в ресторан.

– Толя, нельзя столько есть. Это неправильно, это засоряет твой организм.

– Честно, я совсем не против чем-нибудь его уже засорить. Хорошим бифштексом, например.

Анжелика выразительно закатила глаза, после чего решила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.